

Александр Блок

**Стихотворения и поэмы
(1907-1916)**

**Блок Александр
Стихотворения и поэмы
(1907-1916)**

Александр Блок

Книга третья (1907-1916). Стихотворения и поэмы

СТРАШНЫЙ МИР (1909-1916)

К Музе "Под шум и звон однообразный..."

"В эти желтые дни меж домами..." "Из хрустального тумана..." Двойник Песнь ада "Поздней осенью из гавани..." На островах "С мирным счастьем покончены счеты..." "Седые сумерки легли..." "Дух пряный марта был в лунном круге..." В ресторане Демон ("Прижмись ко мне крепче и ближе...") "Как тяжело ходить среди людей..." "Я коротаю жизнь мою..." "Идут часы, и дни, и годы..." Унижение Авиатор "Повеселясь на буйном пире..." Пляски смерти (5 стихотворений) "Миры летят. Года летят. Пустая..." "Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный..." "Есть игра: осторожно войти..." "Как растет тревога к ночи!..." "Ну, что же? Устало заломлены слабые руки..." Жизнь моего приятеля (8 стихотворений) Черная кровь (9 стихотворений) Демон ("Иди, иди за мной - покорной...") Голос из хора

ВОЗМЕЗДИЕ (1908-1913)

"О доблестях, о подвигах, о славе..." Забыв-

шие тебя "Она, как прежде, захотела..." "Ночь - как ночь, и улица пустынна..." "Я сегодня не помню, что было вчера..." На смерть младенца "Когда я прозревал впервые..." "Дохнула жизнь в лицо могилой..." "Когда, вступая в мир огромный..." "Весенний день прошел без дела..." "Какая дивная картина..." "Ты в комнате один сидишь..." "Кольцо существованья тесно..." "Чем больше хочешь отдохнуть..." Шаги командора "Мой бедный, мой далекий друг!..." "Как свершилось, как случилось?..."

ЯМБЫ (1907-1914)

"О, я хочу безумно жить..." "Я ухо приложил к земле..." "Тропами тайными, ночными..." "В голодной и больной неволе..." "Не спят, не помнят, не торгуют..." "О, как смеялись вы над нами..." "Я - Га'млет. Холодеет кровь..." "Так. Буря этих лет прошла..." "Да. Так диктует вдохновенье..." "Когда мы встретились с тобой..." "Земное сердце стынет вновь..." "В огне и холоде тревог..."

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ (1909)

Равенна "Почивет в мире Теодорих..."
Девушка из Spoleto Венеция (3 стихотворения)
Перуджия Флоренция (7 стихотворений) "Вот

девушка, едва развившись..." Madonna da Settignano Фьезоле Сиена Сиенский собор "Искусство - ноша на плечах..." "Глаза, опущенные скромно..." Благовещение Успение Эпитафия Фра Филиппо Липпи

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1908-1916)

За гробом Другьям Поэты "Когда замрут отчаянье и злоба..." "Ты так светла, как снег невинный..." "Всё это было, было, было..." Су-сальный ангел Сон Комета "Ты помнишь? В нашей бухте сонной..." "Благословляю всё, что было..." Послания

Юрию Верховскому

Валерию Брюсову

Владимиру Бестужеву

Анне Ахматовой "И вновь - порывы юных лет..." Художник "О, нет! не расколдуешь сердца ты..." Женщина Перед судом Антверпен "Похоронят, заруют глубоко..." "На улице - дождик и слякоть..." "Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух..."

АРФЫ И СКРИПКИ (1908-1916)

"Свирель запела на мосту..." "Душа! Когда устанешь верить?..." "И я любил. И я извдал..." "Май жестокий с белыми ночами!..."

Три послания Встречной Мэри "Усните блаженно, заморские гости, усните..." "Я пригвожден к трактирной стойке..." "Не затем величал я себя паладином," "Часовая стрелка близится к полно'чи..." "Старинные розы..." "Уже над морем вечереет..." "Всё б тебе желать веселья..." "Я не звал тебя - сама ты..." "Грустя и плача и смеясь..." "Опустись, занавеска линиялая..." "Мой милый, будь смелым..." "Не венчал мою голову траурный лавр..." "Покойник спать ложится..." "Уж вечер светлой поло-сою..." "Здесь в сумерки в конце зимы..." Через двенадцать лет Утро в Москве "Как прощались, страстно кля'лись..." "Всё на земле умрет - и мать, и младость..." На смерть Ком-миссаржевской Голоса скрипок На Пасхе "Когда-то гордый и надменный..." "Где отдается в длинных залах..." "Сегодня ты на тройке звонкой..." "В неуверенном, зыбком полете..." "Без слова мысль, волнение без названья..." "Ветр налетит, завоюет снег..." "Шар раскаленный, золотой..." "Сквозь серый дым от краю и до краю..." "Есть минуты, когда не тревожит..." "Болотистым пустынным лугом..." Испанке "В небе - день, всех ночей суеверней..." "В сыром

ночном тумане..." Седое утро "Есть времена, есть дни, когда..." "Я вижу блеск, забытый мной..." "Ты говоришь, что я дремлю..." "Ваш взгляд - его мне подстеречь..." "Натянулись гитарные струны," "Ты - буйный зов рогов призывных..." "Как день, светла, но непонятна..." "Петербургские сумерки снежные..." "Смычок запел. И облак душный..." "Ты жил один! Другей ты не искал..." "Превратила всё в шутку сначала..." "Та жизнь прошла..." "Была ты всех ярче, верней и прелестней..." "Разлетясь по всему небосклону..." "Он занесен - сей жезл железный..." "Пусть я и жил, не любя..." "Протекли за годами года..." "За горами, за лесами..."

КАРМЕН (1914)

"Как океан меняет цвет..." "На небе - празелень, и месяца осколок..." "Есть демон утра. Дымно-светел он..." "Бушует снежная весна..." "Среди поклонников Кармен..." "Сердитый взор бесцветных глаз..." "Вербы - это весенняя таль..." "Ты - как отзвук забытого гимна..." "О да, любовь вольна, как птица..." "Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь..."

СОЛОВЬИНЫЙ САД(1915)

РОДИНА (1907-1916)

"Ты отошла, и я в пустыне..." "В густой траве пропадешь с головой..." "Задебренные лесом кручи:..." На поле Куликовом

1. "Река раскинулась. Течет, грустит лениво..."

2. "Мы, сам-друг, над степью в полночь стали..."

3. "В ночь, когда Мамай залег с ордою..."

4. "Опять с вековой тоскою..."

5. "Опять над полем Куликовым..." Россия
"Вот он, ветер..." "Осенний день" "Дым от костра струею сизой..." "Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..." На железной дороге
Посещение "Там неба осветленный край..."
"Приближается звук. И, покорна щемящему звуку..." Сны Новая Америка "Ветер стих, и слава зарева..." Последнее напутствие "Грешить бесстыдно, непробудно..." "Петроградское небо мутилось дождем..." "Я не предал белое знамя..." "Рожденные в года глухие..." "Дикий ветер..." Коршун

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР (1913)

"Мы забыты, одни на земле..." "Поет, поет... Поет и ходит возле дома..." "Милый друг, и в

этом тихом доме..." "Из ничего - фонтаном синим..." "Вспомнил я старую сказку..." "Было то в темных Карпатах..."

СТРАШНЫЙ МИР

(1909 - 1916)

К МУЗЕ

Есть в напевах твоих сокровенных Роковая
о гибели весть. Есть проклятье заветов свя-
щенных, Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила, Что готов я твер-
дить за молвой, Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой, Над тобой
загорается вдруг Тот неяркий, пурпурово-се-
рый И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? - Ты вся - не отсюда. Мудре-
но про тебя говорят: Для иных ты - и Муза, и
чудо. Для меня ты - мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете, В час, когда
уже не было сил, Не погиб я, но лик твой за-
метил И твоих утешений просил? Я хотел,
чтоб мы были врагами, Так за что ж подарила
мне ты Луг с цветами и твердь со звездами
Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи, И хмельней золотого аи, И любви цыганской короче Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада В попираньи заветных святынь, И безумная сердцу услада Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

* * *

Под шум и звон однообразный, Под городскую суету Я ухожу, душою праздный, В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознания И забываю, что и как... Кругом - снега, трамваи, зданья, А впереди - огни и мрак.

Что', если я, замороженный, Сознания оборвавший нить, Вернусь домой уничиженный, Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели Путеводительный маяк, Простишь ли мне мои метели, Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая, Будить мои колокола, Чтобы распутица ночная От родины не увела?

2 февраля 1909

* * *

В эти желтые дни меж домами Мы встречаемся только на миг. Ты меня обжигает глазами И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливым пожаром Ты недаром меня обдаешь, И склоняюсь я тайно недаром Пред тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимние бросят, быть может, Нас в безумный и дьявольский бал, И меня, наконец, уничтожит Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

6 октября 1909

* * *

Из хрустального тумана, Из невиданного сна Чей-то образ, чей-то странный... (В кабинете ресторана За бутылкою вина).

Визг цыганского напева Налетел из дальних зал, Дальних скрипок вопль туманный... Входит ветер, входит дева В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор - и жгуче-синий Обозначился простор. Магдалина! Магдалина! Веет ветер из пустыни, Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга За глухим стеклом окна Жизни только половина! Но за вьюгой - солнцем юга Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений, Всех хулений и похвал, Всех змеящихся улыбок, Всех просительных движений, Жизнь разбей, как мой бокал! Чтоб на ложе долгой ночи Не хватило страстных сил! Чтоб в пустынном вопле скрипок Перепуганные очи Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909

ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане Я брел, вспоминая напев. (О, миг непроданных лобзаний! О, ласки некупленных дев!) И вот - в непроглядном тумане Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться, И ты, как живая, и ты... И стал я мечтой уноситься От ветра, дождя, темноты... (Так ранняя молодость снится. А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу - из ночи туманной, Шатаясь, подходит ко мне Стареющий юноша (странно, Не снился ли мне он во сне?), Выходит из ночи туманной И прямо подходит ко мне.

И шепчет: "Устал я шататься, Промозглым туманом дышать, В чужих зеркалах отражаться И женщин чужих целовать..." И стало

мне странным казаться, Что я его встречу
опять... Вдруг - от улыбнулся нахально, И нет
близ меня никого... Знаком этот образ печаль-
ный, И где-то я видел его... Быть может, себя
самого Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909

ПЕСНЬ АДА

День догорел на сфере той земли, Где я ис-
кал путей и дней короче. Там сумерки лило-
вые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи Схо-
жу, скользя, уступом скользких скал. Знако-
мый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал, И в ди-
ком танце масок и обличий Забыл любовь и
дружбу потерял.

Где спутник мой? - О, где ты, Беатриче? Иду
один, утратив правый путь, В кругах подзем-
ных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть. Поток
несет друзей и женщин трупы, Кой-где мельк-
нет молящий взор, иль грудь;

Пощады вопль, иль возглас нежный - ску-
по Сорвется с уст; здесь умерли слова; Здесь
стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова; И я, кото-
рый пел когда-то нежно, Отверженец, утра-
тивший права! Все к пропасти стремятся без-
надежной, И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал. Сеть какту-
сов и роз благоуханье, Обрывки мрака в глу-
бине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье Чуть золо-
тит поверженный кумир; И душное спирает-
ся дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир, Где
я бродил слепой, как в дикой сказке, И где за-
стиг меня последний пир.

Там - брошены зияющие маски; Там - стар-
цем соблазненная жена, И наглый свет застал
их в мерзкой ласке...

Но заалелся переплет окна Под утренним
холодным поцелуем, И странно розовеет ти-
шина.

В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман, И я
смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака, Выходит

юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака Бледнее уст на лице мертвеца; На пальце - знак таинственного брака

Сияет острый аметист кольца; И я смотрю с волнением непонятым В черты его отцветшего лица И вопрошаю голосом чуть внятным: "Скажи, за что томиться должен ты И по кругам скитаться невозвратным?"

Пришли в смятенье тонкие черты, Сожженный рот глотает воздух жадно, И голос говорит из пустоты:

"Узнай: я предан муке беспощадной За то, что был на горестной земле Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле, Томим волной безумного напева, С печатью преступленья на челе,

Как падшая униженная дева, Ищу забвенья в радостях вина... И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна Всплеснулась, ослепила, засияла Передо мной - чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала, В тумане

не хмельном встретившись на миг С единственной, кто ласки презирала,

Я ликование первое постиг! Я утопил в ее зеницах взоры! Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, нежданно скорый. И мрак был глух. И долгий вечер мглист. И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист. И пил я кровь из плеч благоуханных, И был напиток души и смолист...

Но не кляни повествований странных О том, как длился непонятный сон... Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон; Язык огня взлетел, свистя, над нами, Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!

И - сомкнутых безмерными цепями Нас некий вихрь увлек в подземный мир! Окованный навек глухими снами,

Дано ей чужь боль и помнить пир, Когда, что ночь, к плечам ее атласным Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел - могу ль не звать ужасным? Едва холодный и больной рассвет Исполнит

Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет, Гоним
тоскою страсти безначальной, Так сострадай
и помни, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке спальной, Где
спит она и дышит горячо, Склонясь над ней
влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень в белое плечо!"

31 октября 1909

* * *

Поздней осенью из гавани От заметенной
снегом земли В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается Над водой подь-
емный кран, И один фонарь качается На осне-
женном берегу.

И матрос, на борт не принятый, Идет, ша-
таясь, сквозь буран. Всё потеряно, всё выпито!
Довольно - больше не могу...

А берег опустелой гавани Уж первый лег-
кий снег занес... В самом чистом, в самом
нежном саване Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны, Елагин мост

и два огня. И голос женщины влюбленный. И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе, Летят у полости саней. Но не таясь и не ревнуя, Я с этой новой - с пленной - с ней.

Да, есть печальная услада В том, что любовь пройдет, как снег. О, разве, разве клясться надо В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю И в строгой четкости моей Уже в покорность не играю И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра Я числю каждый раз без слов Мосты, часовню, резкость ветра, Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить Медвежьёю полость на лету, И, тонкий стан обняв, лукавить, И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки, Влюбляясь в хладные меха... Ведь грудь моя на поединке Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней Ее не ждет у двери мать... Ведь бедный муж за плотной ставней Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла, Чем настоящая зовет, Всё только - продолженьё бала, Из

света в сумрак переход...

22 ноября 1909

* * *

С мирным счастьем покончены счета, Не дразни, запоздалый уют. Всюду эти щемящие ноты Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна, Да, я в это поверил с тех пор, Как пропел мне сиреной влюбленной Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор.

11 февраля 1910

* * *

Седые сумерки легли Весной на город бледный. Автомобиль пропел вдали В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно, К стеклу прижавшись плотно... Глядись. Ты изменил давно,

Бесповоротно.

11 февраля 1910

* * *

Дух пряный марта был в лунном круге, Под талым снегом хрустел песок. Мой город истаял в мокрой вьюге, Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней, И мне казалось - сквозь храп коня Венгерский танец в небесной черни Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, Хотел он выжечь душу мне, В лицо швыряя твоей вуалью И запевая о старине...

И вдруг - ты, дальняя, чужая, Сказала с молнией в глазах: То душа, на последний путь вступая, Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910. Часовня на Крестовском острове

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был, Этот вечер): пожаром зари Сожжено и раздвинуто бледное небо, И на желтой заре - фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале. Где-то пели смычки о любви. Я послал тебе черную розу в бокале Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко Взор надменный и отдал поклон. Обратясь к кавалеру, намеренно резко Ты сказала: "И этот влюблен".

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,

Исступленно запели смычки... Но была ты со мной всем презрением юным, Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы, Ты прошла, словно сон мой легка... И вздохнули духи, задремали ресницы, Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала И, бросая, кричала: "Лови!.." А монисто бречало, цыганка плясала И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

ДЕМОН

Прижмись ко мне крепче и ближе, Не жила - блуждал средь чужих... О, сон мой! Я новое вижу В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоём исступленном Тоска небывалой весны Горит мне лучом отдаленным И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы Принес я на луч и на звук Усталые губы и взоры И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре, В разливах синеющих крыл, С тобою, с мечтой о Тамаре, Я, горний, навеки без сил...

И снится - в далеком ауле, У склона бессмертной горы, Тоскливо к нам в небо плеснули Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет, Пыль вьется и стонет зурна... Пусть скачет жених - не доскачет! Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910

* * *

Там человек сгорел.

Фет

Как тяжело ходить среди людей И притворяться непогибшим, И об игре трагической страстей Повествовать еще не жившим.

И, взглядываясь в свой ночной кошмар, Строй находить в нестройном вихре чувства, Чтобы по бледным заревам искусства Узнали жизни гибельный пожар!

10 мая 1910

* * *

Я коротаю жизнь мою. Мою безумную, глухую: Сегодня - трезво торжествую, А завтра - плачу и пою.

Но если гибель предстоит? Но если за моей спиною Тот - необъятною рукою Покрывший зеркало - стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет, И в ужасе,
зажмуря очи, Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

17 сентября 1910

* * *

Идут часы, и дни, и годы. Хочу стряхнуть
какой-то сон, Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом (Так
зимней ночью, на крыльцо Тень чья-то глянет
силуэтом, И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он - был. Но он - не нужен. Кто
обессилил руку мне? Я помню: мелкий ряд
жемчужин Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа, И моря снеговая
гладь... Из-под ресниц сверкнувший ужас
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? - Их не было. - Что ж было? Ни сон,
ни явь. Вдали, вдали Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели. Прошли часы, или
года... (Лишь телеграфные звенели На черном
небе провода...) И вдруг (как памятно, знако-
мо!) Отчетливо, издалека Раздался голос: Ессе
homo! Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шелком душным (Чтоб кровь не шла из черных жил), Я был веселым и послушным, Обезоруженный - служил.

Но час настал. Припоминая, Я вспомнил: Нет, я не слуга. Так падай, перевязь цветная! Хлынь, кровь, и обагри снега!

4 октября 1910

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях дерев обнаженных Желтый зимний закат за окном. (К эшафоту на казнь осужденных Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов, Пропыленные кисти портьер... В этой комнате, в звоне стаканов, Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала Не людская касалась рука... И рука подлеца нажимала Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели Шпоры, смех, заглушенный дверьми... Разве дом этот - дом в самом деле? Разве так суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече? Что ты ликом бела, словно плат? Что в твои обнаженные плечи Бьет огромный холодный за-

кат?

Только губы с запекшейся кровью На ико-
не твоей золотой (Разве это мы звали любо-
вью?) Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате Утону-
ла (так пышно!) кровать... Еще тесно дышать
от объятий, Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел - твой свист замогильный... Чу!
опять - бормотание шпор... Словно змей, тяж-
кий, сытый и пыльный, Шлейф твой с кресел
ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной! Я - не
муж, не жених твой, не друг! Так вонзай же,
мой ангел вчерашний, В сердце - острый
французский каблук!

6 декабря 1911

АВИАТОР

Летун отпущен на свободу. Качнув две ло-
пасти свои, Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны... Смотри:
недрогнувший пилот К слепому солнцу над
трибуной Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой Сияет двига-
теля медь... Там, еле слышный и незримый,

Пропеллер продолжает петь...

Потом - напрасно ищет око: На небе не найдешь следа: В бинокле, вскинутом высоко, Лишь воздух - ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное, В курящейся над лугом мгле, Ангары, люди, всё земное Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане Как будто - неземной аккорд... Он близок, миг рукоплесканий И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный, Всё круче лопастей извив, И вдруг... нелепый, безобразный В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами Повис пугающим углом... Ищи отцветшими глазами Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины Крыла измятая дуга... В сплетеньи проволок машины Рука - мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный, В свой первый и последний раз? Чтоб львице светской и продажной Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья Губительный изведаль ты, Безумно возалкал паденья И сам

остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный Грядущих войн ужасный вид: Ночной летун, во мгле ненастной Земле несущий динамит?

1910 - январь 1912

* * *

Моей матери

Повеселясь на буйном пире, Вернулся поздно я домой; Ночь тихо бродит по квартире, Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды В одно лицо, в одно пятно; И ветер ночной поет в окно Напевы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спит; Он льстиво шепчет: "Вот твой скит. Забудь о временном, о пошлом И в песнях свято лги о прошлом".

6 января 1912

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1

Как тяжело мертвецу среди людей Живым и страстным притворяться! Но надо, надо в общество втираться, Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба, И в

банк идет, и в суд идет, в сенат... Чем ночь белее, тем чернее злоба, И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день труди'тся над докладом. Присутствие кончается. И вот Нашептывает он, виляя задом, Сенатору скабрезный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью Прохожих, и дома, и прочий вздор... А мертвеца - к другому безобразью Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный Спешит мертвец. На нем - изящный фрак. Его дарят улыбкой благосклонной Хозяйка - дура и супруг - дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки, Но лягз костей музы'кой заглушон... Он крепко жмет приятельские руки Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами С подругою - она, как он, мертва. За их условно-светскими речами Ты слышишь настоящие слова:

"Усталый друг, мне странно в этом зале".
"Усталый друг, могила холодна". "Уж пол-

ночь". - "Да, но вы не приглашали На вальс
NN. Она в вас влюблена..."

А там - NN уж ищет взором страстным Его,
его - с волнением в крови... В ее лице, девиче-
ски прекрасном, Бесмысленный восторг жи-
вой любви...

Он шепчет ей незначащие речи, Плени-
тельные для живых слова, И смотрит он, как
розовеют плечи, Как на плечо склонилась го-
лова...

И острый яд привычно-светской злости С
нездешней злостью расточает он... "Как он
умен! Как он в меня влюблен!"

В ее ушах - нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

2

Ночь, улица, фонарь, аптека, Бесмыслен-
ный и тусклый свет. Живи еще хоть четверть
века Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь - начнешь опять сначала И повто-
рится всё, как встарь: Ночь, ледяная рябь ка-
нала, Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

3

Пустая улица. Один огонь в окне. Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкапом с надписью Venena, Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом, Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул, И череп повернул... Аптекарь крякнул,

Привстал - и на другой свалился бок... А гость меж тем - заветный пузырек

Сует из-под плаща двум женщинам безносным На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912

4

Старый, старый сон. Из мрака

Фонари бегут - куда?

Там - лишь черная вода,

Там - забвенье навсегда.

Тень скользит из-за угла,

К ней другая подползла.

Плащ распахнут, грудь бела, Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая - стройный латник,

Иль невеста от венца?

Шлем и перья. Нет лица.

Неподвижность мертвеца.
В ворота'х гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог Проститутка и разврат-
ник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.
Как свинец, черна вода.
В ней забвенье навсегда.
Третий призрак. Ты куда, Ты, из тени в
тень скользящий?

7 февраля 1914

5

Вновь богатый зол и рад, Вновь унижен
бедный. С кровель каменных громад Смотрит
месяц бледный,

Насылает тишину, Оттеняет крутизну Ка-
менных отвесов, Черноту навесов...

Всё бы это было зря, Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца, Добродушного ли-
ца,

Золотой короны.

Он - с далеких пустырей В свете редких фонарей

Появляется.

Шея скручена платком, Под дырявым козырьком

Улыбается.

7 февраля 1914

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая Вселенная
глядит в нас мраком глаз. А ты, душа, усталая,
глухая, О счастье твердишь, - который раз?

Что' счастье? Вечерние прохлады В темнеющем саду,
в лесной глуши? Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, гибели души?

Что' счастье? Короткий миг и тесный, Забвенье,
сон и отдых от забот... Очнешься - вновь безумный,
неизвестный И за' сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь - опасность миновала...
Но в этот самый миг - опять толчок! Запущенный
куда-то, как попало, Летит, жужжит, торопится
волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый, И слушая
всегда жужжащий звон, Не сходим ли

с ума мы в смене пестрой Придуманых причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку Не станет сил без отдыха внимать... Как страшно всё! Как дико! - Дай мне руку, Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

* * *

Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: Ленора.

Эдгар По

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный Решал всё тот же я - мучительный вопрос, Когда в мой кабинет, огромный и туманный, Вошел тот джентльмен. За ним - лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало, И пес у ног его разлегся на ковер. Гость вежливо сказал: "Ужель еще вам мало? Пред Гением Судьбы пора смириться, со:р".

"Но в старости - возврат и юности, и жара..." Так начал я... но он настойчиво прервал: "Она - всё та ж: Линор безумного Эдгара. Возврата нет. - Еще? Теперь я всё сказал".

И странно: жизнь была - восторгом, бурей,

адам, А здесь - в вечерний час - с чужим наедине Под этим деловым, давно спокойным взглядом, Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бес-
сменно. В час горький на меня оставит доб-
рый взор, И лапу жесткую положит на коле-
но, Как будто говорит: Пора смириться, со:р.

2 ноября 1912

* * *

Есть игра: осторожно войти, Чтоб внима-
нье людей усыпить; И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следовать.

Как бы ни был нечуток и груб Человек, за
которым следят, Он почувствует присталь-
ный взгляд Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой - точно сразу поймет: Вздрыгнут
плечи, рука у него; Обернется - и нет ничего;
Между тем - беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд, Что его
невозможно поймать; Чуешь ты, но не мо-
жешь понять, Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не месть;
Так - игра, как игра у детей: И в собрании
каждом людей Эти тайные сыщики есть.

Ты и сам иногда не поймешь, Отчего так бывает порой, Что собою ты к людям при-
дешь, А уйдешь от людей - не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз, Только лучше б ничей не следил: Слишком много
есть в каждом из нас Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет Мы не сможем измерить души: Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока - в неизвестном живем И не ведаем сил
мы своих, И, как дети, играя с огнем, Об-
жигаем себя и других...

18 декабря 1913

* * *

Как растет тревога к ночи! Тихо, холодно,
темно. Совесть мучит, жизнь хлопочет. На лу-
ну взглянуть нет мочи Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит. Утром страшно
мне раскрыть Лист газетный. Кто-то хочет По-
явиться, кто-то бродит. Иль - раздумал, может
быть?

Гость бессонный, пол скрипучий? Ах, не
всё ли мне равно! Вновь сдружусь с кабацкой
скрипкой, Монотонной и певучей! Вновь я бу-

ду пить вино!

Всё равно не хватит силы Дотащиться до конца С трезвой, лживою улыбкой, За которой - страх могилы, Беспокойство мертвеца.

30 декабря 1913

* * *

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки, И вечность сама загляделась в погасшие очи, И муки утихли. А если б и были высокие муки, Что ну'жды? - Я вижу печальное шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось. Открой мои книги: там сказано всё, что свершится. Да, был я пророком, пока это сердце молилось, Молилось и пело тебя, но ведь ты - не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила. Рабом я не стану: ты власти земли не хотела. Вот новая ноша: пока не откроет могила Сырые объятия, - тащиться без важного дела...

Но я - человек. И, паденье свое признавая, Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее. То ревность по дому, тревогою сердце снедая, Твердит неотступно: Что делаешь, делай скорее.

21 февраля 1914

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1

Весь день - как день: трудов исполнен ма-
ЛЫХ

И мелочных забот. Их вереница мимо глаз
усталых

Ненужно проплывет.

Волнуешься, - а в глубине покорный:

Не выгорит - и пусть. На дне твоей души,
безрадостной и черной,

Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница

Твоих дневных забот. Когда ж морозный
мрак засмотрится столица

И полночь пропоет,

И рад бы ты уснуть, но - страшная минута!

Средь всяких прочих дум Бессмысленность
всех дел, безрадостность уюта

Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:

Ни охнуть, ни вздохнуть, Как будто ночь
на всё проклятие простерла,

Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,

Но некому помочь: Куда ни повернись -
глядит в глаза пустые

И провожает - ночь. Там ветер над тобой
на сквозняках простонет

До бледного утра; Городовой, чтоб не за-
снуть, отгонит

Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,

И станет всё равно... Что'? Совесть? Прав-
да? Жизнь? Какая это малость!

Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914

2

Поглядите, вот бессильный, Не умевший
жизнь спасти, И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде Так приплюснут
диск больной, Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно Ты терпел, несчаст-
ный друг, От его тоски невольной, От его
невольных мук.

То, что было, миновалось, Ваш удел на все
похож: Сердце к правде порывалось, Но его
сломила ложь.

30 декабря 1913

3

Всё свершилось по писаньям: Остудился юный пыл, И конец очарованьям Постепенно наступил. Был в чадугу, не чуя чадуги, Утешался мукой ада, Перечислил все слова, Но - болела голова...

Долго, жалобно болела, Тело тихо холодело, Пробудился: тридцать лет. Хватить-похватить, - а сердца нет.

Сердце - крашеный мертвец. И, когда настал конец, Он нашел весьма банальной Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913

4

Когда невзначай в воскресенье Он душу свою потерял, В сыскное не шел отделение, Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало: Дворовый щенок голосил, В воротах старуха стояла, И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел, Подняв воротник, из ворот, Таращил сочувственно с крыши Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель? Так он и от-

ветит тебе!

В такой же гульбе

Его добродетель!

30 декабря 1912

5

Пристал ко мне нищий дурак, Идет по пятам, как знакомый. "Где деньги твои?" - "Снес в кабак". "Где сердце?" - "Закинуто в омут".

"Чего ж тебе надо?" - "Того, Чтоб стал ты, как я, откровенен, Как я, в униженьи, смиренен, А больше, мой друг, ничего".

"Что лезешь ты в сердце чужое? Ступай, проходи, сторонись!" "Ты думаешь, милый, нас двое? Напрасно: смотри, оглянись..."

И правда (ну, задал задачу!) Гляжу - близь меня никого... В карман посмотрел - ничего... Взглянул в свое сердце... и пла'чу.

30 декабря 1913

6

День проходил, как всегда: В сумасшествии тихом. Все говорили кругом О болезнях, врачах и лекарствах. О службе рассказывал друг, Другой - о Христе, О газете - четвертый. Два стихотворца (поклонники Пушкина) Книжки прислали С множеством рифм и раз-

меров. Курсистка прислала Рукопись с тучей
эпи'графов (Из Надсона и символистов). По-
сле - под звон телефона Посыльный конверт
подавал, Надушённый чужими духами. Розы
поставьте на стол Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол... После -
собрать по перу, До глаз в бороде утонувший, О
причитаньях у южных хорватов Рассказывал
долго. Критик, громя футуризм, Символизмом
шпынял, Заключив реализмом. В кинемато-
графе вечером Знатный барон целовался под
пальмой С барышней низкого званья, Ее до
себя возвышая... Всё было в отменном поряд-
ке.

Он с вечера крепко уснул И проснулся в
другой стране. Ни холод утра, Ни слово друга,
Ни дамские розы, Ни манифест футуриста, Ни
стихи пушкиньянца, Ни лай собачий, Ни гро-
хот тележный Ничто, ничто В мир возвра-
тить не могло...

И что поделаешь, право, Если отменный
порядок Милого дольного мира В сны иногда
погрузит, И в снах этих многое снится... И не
всегда в них такой, Как в мире, отменный по-
рядок...

Нет, очнешься порой, Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным, Предчувствием
тайным... Буйно забьются в мозгу Слишком
светлые мысли... И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, - не лучше ль, Думаешь
ты, чтоб и новый День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914

7

ГОВОРЯТ ЧЕРТИ:

Греши, пока тебя волнуют Твои невинные
грехи, Пока красавицы колдуют Твои греховные
стихи.

На утешенье, на забаву Пей искрометное
вино, Пока вино тебе по нраву, Пока не тягостно
оно.

Сверкнут ли дерзостные очи Ты их сверкающий
не отринь, Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное "аминь".

Ведь всё равно - очарованье Пройдет, и в
сумасшедший час Ты, в иступленном покаянии,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать - но толпою Мы все, как
ангелы, чисты, Тебя подхватим, чтоб пятою О
камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

8

ГОВОРИТ СМЕРТЬ:

Когда осилила тревога, И он в тоске обезумел,
Он разучился славить бога И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный, Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный Его преследовал порой.

Но он измучился - и ранний Жар юности простыл -
и вот Тщета святых воспоминаний Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит, Себя лишь хочет обмануть,
А сам - к моей блаженной двери Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить бога Уж он - не голос,
только - стон. Я отворю. Пускай немного Еще помучается он.

10 декабря 1915

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1

В пол-оборота ты встала ко мне, Грудь и рука
твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить, Мне - искушение
тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза, Дышит,
преследует, близко - гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке, Трепет бе-
жит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня, Ты, и не
глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер Твой
не глядящий, скользкий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь Даже -
свидание, даже - любовь!

2 января 1914

2

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит. Каждый демон в тебе
сторожит, Притаясь в грозовой тишине... И
вздывается жадная грудь... Этих демонов
страшных испугнуть? Нет! Глаза отвратить, и
не сметь, и не сметь В эту страшную пропасть
глядеть!

22 марта 1914

3

Даже имя твое мне презренно, Но, когда ты
сощуришь глаза, Слышу, воет поток много-
пенный, Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий, Горла

тонкие ищут персты... Подойди. Подползи. Я ударю И, как кошка, оцеришься ты...

30 января 1914

4

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой В объятия страшные. Чтоб долго длились муки, Когда - ни расплести сцепившиеся руки, Ни разомкнуть уста - нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молнии грозовой, Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!), Ни испытать прибой неизреченной скуки, Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным стора, Хочу вернуть навек на синий берег рая Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд Иной пророчит рай! - Я уступаю, зная, Что твой змеиный рай - бездонной скуки ад.

Февраль 1912

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.

Ночь, день ли там, в окне? Вон месяц, как паяц, над кровлями громад

Гримасу корчит мне...

Дневное солнце - прочь, раскаяние - прочь!

Кто смеет мне помочь? В опустошенный
мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!
В пустую грудь один, один проникнет
взгляд,
Вопьется жадный взгляд... Всё отойдет на-
век, настанет никогда,
Когда ты крикнешь: Да!
29 января 1914

6

Испугом схвачена, влекома
В водоворот... Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?
И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо, Пугливых рук свивает креп-
че
Певучее кольцо...
...И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор... И чертит бог на теле
спящей
Свой световой узор.
2 января 1914

7

Ночь - как века, и томный трепет,
И страстный бред, Уст о блаженно-стран-

ном лепет, В окне - старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,

Нет, не слова То, что теряет всё значенье,
Забрежжит бледный день едва...

Тогда - во взгляде глаз усталом

Твоя в нем ложь! Тогда мой рот извивом
алым На твой таинственно похож!

27 декабря 1913

8

Я ее победил, наконец! Я завлек ее в мой
дворец!

Три свечи в бесконечной дали. Мы в тяже-
лых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч Смуглый
бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз, На
кольце - померкший алмаз,

И обугленный рот в крови Еще просит пы-
ток любви...

А в провале глухих око'н Смутный шелест
многих знамен,

Звон, и трубы, и конский топ, И качается
тяжкий гроб. - О, любимый, мы не одни! О,
несчастный, гаси огни!..

- Отгони непонятный страх Это кровь про-

шумела в ушах.

Близок вой похоронных труб, Смутен вздох
охладевших губ:

- Мой красавец, позор мой, бич... Ночь бро-
сает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова... - Ты мертва, на-
конец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою... Я кладу тебя в
гроб и пою,

Мглистой ночью о нежной весне Будет
петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909

9

Над лучшим созданием божьим Изведал я
силу презренья. Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит. Ушла. Огляну-
лась пугливо На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна Вливается вечер
ненастный, А дальше, за мраком ненастья, Го-
рит заревая кайма.

Далекие, влажные доли И близкое, бурное
счастье! Один я стою и внимаю Тому, что мне
скрипки поют.

Поют они дикие песни О том, что свобод-
ным я стал! О том, что на лучшую долю Я низ-

кую страсть променял!

13 марта 1910

ДЕМОН

Иди, иди за мной - покорной И верною моей рабой. Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной, Ее бездонностью дразня. Твой будет ужас бесполезный
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом, На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость, Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише, И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше Пустыней неба огневой,
Да, я возьму тебя с собою И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой, Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья, Ты у'зришь новые миры
Невероятные виденья, Создания моей

игры...

Дрожа от страха и бессилья, Тогда шепнешь ты: отпусти... И, распустив тихонько крылья, Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой, Уничтожаясь на лету, Ты полетишь, как камень зыбкий, В сияющую пустоту...

9 июня 1910

ГОЛОС ИЗ ХОРА

Как часто плачем - вы и я Над жалкой жизнью своей! О, если б знали вы, друзья, Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь, Играешь с нею, шутя, И плачешь ты, заметив ложь, Или в руке любимой нож,

Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет, А смерть - далека. Всё будет чернее страшный свет, И всё безумней вихрь планет

Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,

Увидим и вы и я. Всё небо скроет гнусный грех, На всех устах застынет смех,

Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать

Весна обманет. Ты будешь солнце на небо
звать

Солнце не встанет. И крик, когда ты нач-
нешь кричать,

Как камень, канет... Будьте ж довольны
жизнью своей,

Тише воды, ниже травы! О, если б знали,
дети, вы,

Холод и мрак грядущих дней!

6 июня 1910 - 27 февраля 1914

Esse homo! - Се - человек! (лат.). Venena - Яд
(лат.).

ВОЗМЕЗДИЕ

(1908 - 1913)

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе Я забывал
на горестной земле, Когда твое лицо в про-
стой оправе Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому. Я бросил
в ночь заветное кольцо. Ты отдала свою судь-
бу другому, И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем... Ви-
но и страсть терзали жизнь мою... И вспом-

нил я тебя пред аналогом, И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась, Я слезы лил, но ты не снизошла. Ты в синий плащ печально завернулась, В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне Ты, милая, ты, нежная, нашла... Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий, В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе, Всё миновалось, молодость прошла! Твое лицо в его простой оправе Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

ЗАБЫВШИЕ ТЕБЯ

И час настал. Свой плащ скрутило время, И меч блеснул, и стены разошлись. И я пошел с толпой - туда, за всеми,

В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи, Народ роптал, вожди лишились сил. Навстречу нам шли грозные тучи,

Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети, Когда во круг сжимались кулаки, Грозные громам,

рыдали дети,

И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя, За
мною - толпа сопутников моих, Нам не сияло
небо голубое,

И солнце - в тучах грозových.

Скитались мы, беспомощно роптали, И
прежних хижин не могли найти, И, у ночных
костров сходясь, дрожали,

Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя. Так - сужде-
на безрадостность мечтанья

Забывшему Тебя.

1 августа 1908

* * *

Она, как прежде, захотела Вдохнуть дыха-
ние свое В мое измученное тело, В мое холод-
ное жилье.

Как небо, встала надо мною, А я не мог на-
встречу ей Пошевелить больной рукою, Ска-
зать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами, Как надо
мною она грустит, И больше не было меж на-
ми Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало Так много лет, так
много дней... Земное счастье запоздало На
тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен, Дышу
иным, иным томлюсь, Закатом солнечным
доволен И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи, Покой на
сердце низвела, Прохладной влагой синей но-
чи Костер волненья залила...

30 июля 1908

* * *

Ночь - как ночь, и улица пустынна.

Так всегда! Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.

Я и сам Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:

Счастья нет. И который раз в руках сжима-
ют

Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,

Вновь живут! День - как день; ведь решена
задача:

Все умрут.

4 ноября 1908

* * *

Я сегодня не помню, что было вчера, По
утрам забываю свои вечера, В белый день за-
бываю огни, По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас Пе-
ред смертью, в торжественный час. И тогда - в
духоте, в тесноте

Слишком больно мечтать

О былой красоте

И не мочь:

Хочешь встать

И ночь.

3 февраля 1909

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Когда под заступом холодным Скрипел пе-
сок и яркий снег, Во мне, печальном и свобод-
ном, Еще смирялся человек.

Пусть эта смерть была понятна В душе, под
песни панихид, Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Уже с угрозой сжималась Доселе добрая
рука. Уж подымалась и металась В душе
отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу, Тоску забвению

предам. Святому маленькому гробу Молиться
буду по ночам.

Но - быть коленопреклоненным, Тебя бла-
годарить, скорбя? Нет. Над младенцем, над
блаженным, Скорбеть я буду без Тебя.

Февраль 1909

* * *

Когда я прозревал впервые, Навстречу
жаждущей мечте Лучи метнулись заревые И
трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила Пустынной
жизни суета, Беззубым смехом исказила Всё,
чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы, Немотствует
дневная ночь. Верни мне, жизнь, хоть смех
беззубый, Чтоб в тишине не изнемочь!

Март 1909

* * *

Дохнула жизнь в лицо могилой Мне
страстной бурей не вздохнуть. Одна мечта с
упрямой силой Последний открывает путь:

Пои, пои свои творенья Незримым ядом
мертвеца, Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца.

Март 1909

* * *

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный, Единства
тщетно ищешь ты; Когда ты смотришь в угол
темный И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен, Тоской иль
страстию палим, Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью, Ни стра-
хом уж не дышишь ты, Когда запятнаны меч-
ты Не юной и не быстрой кровью,

Тогда - ограблен ты и наг: Смерть не воз-
можна без томленья, А жизнь, не зная истреб-
ленья, Так - только замедляет шаг.

Март 1909

* * *

Весенний день прошел без дела У неумы-
того окна; Скучала за стеной и пела, Как пти-
ца пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно Воспоми-
нанья и дела; И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры, Но будет скуч-
но и темно; К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909

* * *

Какая дивная картина Твоя, о, север мой,
твоя! Всегда бесплодная равнина, Пустая, как
мечта моя!

Здесь дух мой, злобный и упорный, Трево-
жит смехом тишину; И, откликаясь, ворон
черный Качает мертвую сосну;

Внизу клокочут водопады, Точа гранит и
корни древ; И на камнях поют наяды Беспло-
лый гимн безмужних дев;

И в этом гуле вод холодных, В постылом
крике воронья, Под рыбьим взором дев бес-
плодных Тихонько тлеет жизнь моя!

Март 1909

* * *

Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь? Я знаю: ты теперь не
спишь...

Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?

Не бойся! Я твой давно забытый час,

Стучусь - откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,

Мятежный! Я всё равно к тебе войду,

Старинный друг и нежный...
Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод... Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!
Ты полетел туда, туда
В янтарь закатный! Немудрый, знал ли ты
тогда
Свой нищий путь возвратный?
Теперь ты мудр: не прекословь
Что толку в споре? Ты помнишь первую
любовь
И зори, зори, зори?
Зачем склонился ты лицом
Так низко? Утешься: ветер за окном
То трубы смерти близкой!
Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок? Я саван царственный
принес
Тебе в подарок! Март 1909
* * *

Кольцо существованья тесно: Как все пути
приводят в Рим, Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий Мерещится в грядущей мгле: Опять - любить Ее на

небе И изменить ей на земле.

Июнь 1909

* * *

Чем больше хочешь отдохнуть, Тем жизнь
страшней, тем жизнь
страшней, Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь По бархату но-
чей...

Забудь о том, что жизнь была, О том, что
будет жизнь, забудь... С полей ползет ночная
мгла...

Одно, одно

Уснуть, уснуть...

Но всё равно

Разбудит кто-нибудь.

27 августа 1909

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий, плотный занавес у входа,

За ночным окном - туман. Что' теперь твоя
постылая свобода,

Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,

Слуги спят, и ночь глуха. Из страны бла-
женной, незнакомой, дальней

Слышно пенье петуха.
Что' изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены. Донна Анна спит,
скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...
Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены? Анна, Анна, сладко
ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?
Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок! И в ответ -
победно и влюбленно
В снежной мгле поет рожок...
Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор, Тихими,
тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...
Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов Бой ча-
сов: "Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?.."
На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа - тишина. В пышной спальне
страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета - ночь мутна. Дева Света!
Где ты, донна Анна?

Анна! Анна! - Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз: Донна Анна в
смертный час твой встанет.

Анна встанет в смертный час.

Сентябрь 1910 - 16 февраля 1912

* * *

Мой бедный, мой далекий друг! Пойми,
хоть в час тоски бессонной, Тайнственно и
неуклонно Снедающий меня недуг... Зачем в
моей стесненной груди Так много боли и тос-
ки? И так ненужны маяки, И так давно посты-
ли люди, Уныло ждущие Христа... Лишь дья-
вола они находят... Их лишь к отчаянью при-
водят Извечно лгущие уста... Все, кто наме-
ренно щадит, Кто без желанья ранит больно...
Иль - порываний нам довольно, И лишь
недуг - надежный щит?

29 декабря 1912

* * *

Как свершилось, как случилось? Был я бе-
ден, слаб и мал. Но Величий неких тайна Мне

до времени открылась, Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ Мне врученных не храня, Был я царь и страж случайный. Сонмы лютые чудовищ Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью Тех, кто первые пришли. Но не счесть нам вражьей силы! Ощетинившейся мезтью Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи Я пошел во вражий стан. Ночь курилась, как кадило. Ослепительные очи Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен В стане их, как юный бог. Как прекрасный небожитель, Я царицей был замечен, Я входил в ее чертог, В тот чертог, который в пепел Обратится на земле. Но не спал мой грозный Мститель: Лик Его был гневно-светел В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул, Наступил мой скудный день. Только крыл раздался трепет, Кто-то мимо в небо канул, Как разгневанная тень.

Было долгое томленье. Думал я: не будет дня. Бред безумный, страстный лепет, Клятвы, пени, уверенья Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима, Не'жить сгинула, -

и вдруг День жестокий, день железный Вкрут
меня неумолимо Очертил замкну'тый круг.

Нет конца и нет начала, Нет исхода - сталь
и сталь. И пустыней бесполезной Душу бед-
ную обстала Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами, Посмотрите на ме-
ня: Я стою среди пожарищ, Обожженный язы-
ками Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле. Ты, как я, не
ждешь звезды. Приходи ко мне, товарищ, Раз-
делить земной юдоли Невеселые труды.

19 декабря 1912

ЯМБЫ

(1907 - 1914)

Fecit indignacio versum.

Juven. Sat. I, 79

Посвящается

памяти

моей покойной сестры Анжелины Алексан-
дровны Блок

* * *

О, я хочу безумно жить: Всё сущее - увеко-
вечить, Безличное - вочеловечить, Несбывше-
еся - воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый, Пусть
задыхаюсь в этом сне, Быть может, юноша ве-
сельный В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство - разве это Сокрытый
двигатель его? Он весь - дитя добра и света,
Он весь - свободы торжество!

5 февраля 1914

* * *

Я ухо приложил к земле. Я муки криком не
нарушу. Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле! Эй, встань и за-
горись и жги! Эй, подними свой верный мо-
лот, Чтоб молнией живой расколот Был мрак,
где не видать ни зги! Ты роешься, подземный
крот! Я слышу трудный, хрипый голос... Не
медли. Помни: слабый колос Под их секирой
упадет... Как зерна, злую землю рой И выходи
на свет. И ведай: За их случайною победой Ро-
ится сумрак гробовой. Лелей, пои, таи ту
новью, Пройдет весна - над этой новью, Вспоен-
ная твоею кровью, Созреет новая любовь.

3 июня 1907

* * *

Тропами тайными, ночными, При свете
траурной зари, Придут замученные ими, Над

ними встанут упыри. Овеют призраки ночные Их помышленья и дела, И загниют еще живые Их слишком сытые тела. Их корабли в пучине водной Не сыщут ржавых якорей, И не успеть дочесть отходной Тебе, пузатый иерей! Довольных сытое обличье, Сокройся в темные гроба! Так нам велит времен величье И розоперстая судьба! Гроба, наполненные гнилью, Свободный, сбрось с могучих плеч! Всё, всё - да станет легкой пылью Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

* * *

В голодной и больной неволе И день не в день, и год не в год. Когда же всколосится поле, Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке, То выпрямляясь, то клонясь Всю ночь под тайным ветром, злаки: Пора цветенья началась.

Народ - венец земного цвета, Краса и радость всем цветам: Не миновать господня лета Благоприятного - и нам.

15 февраля 1909

* * *

Не спят, не помнят, не торгуют. Над чер-

ным городом, как стон, Стоит, терзая ночь
глухую, Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием, Которое он в
землю вбил, Над смрадом, смертью и страда-
нием Трезвонят до потери сил...

Над мировую чепуху; Над всем, чему
нельзя помочь; Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

30 марта 1909 Ревель

* * *

О, как смеялись вы над нами, Как ненави-
дели вы нас За то, что тихими стихами Мы
громко обличили вас! Но мы - всё те же. Мы,
поэты, За вас, о вас тоскуем вновь, Храня свя-
щенную любовь, Твердя старинные обеты... И
так же прост наш тихий храм, Мы на стенах
читаем сроки... Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки О том, что под зем-
лей струи Поют, о том, что бродят светы...

Но помни Тютчева заветы: Молчи, скры-
вайся и таи И чувства и мечты свои...

Январь 1911

* * *

Я - Га'млет. Холодеет кровь, Когда плетет
коварство сети, И в сердце - первая любовь

Жива - к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою, Увел далёко жизни хол-
лод, И гибну, принц, в родном краю, Клинком
отравленным заколот.

6 февраля 1914

* * *

Так. Буря этих лет прошла. Мужик поплел-
ся бороздою Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно; Опять весна
мне шепчет: встань... И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро, И слиш-
ком молодеет кровь, Когда за тучкой легкопе-
рой Сквозит мне первая любовь...

Забудь, забудь о страшном мире, Взмахни
крылом, лети туда... Нет, не один я был на пи-
ре! Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909

* * *

Да. Так диктует вдохновенье: Моя свобод-
ная мечта Всё льнет туда, где униженье, Где
грязь, и мрак, и нищета. Туда, туда, смирен-
ней, ниже, Оттуда зримей мир иной... Ты ви-
дел ли детей в Париже, Иль нищих на мосту

зимой? На непроглядный ужас жизни Открой скорей, открой глаза, Пока великая гроза Всё не смела в твоей отчизне, Дай гневу правому созреть, Приготовляй к работе руки... Не можешь - дай тоске и скуке В тебе копиться и гореть... Но только - лживой жизни этой Румяна жирные сотри, Как боязливый крот, от света Заройся в землю - там замри, Всю жизнь жестоко ненавидя И презирая этот свет, Пускай грядущего не видя, Дням настоящим молвив: Нет!

Сентябрь 1911 - 7 февраля 1914

* * *

Когда мы встретились с тобой, Я был больной, с душою ржавой. Сестра, сужденная судьбой, Весь мир казался мне Варшавой! Я помню: днем я был "поэт", А ночью (призрак жизни вольной!) Над черной Вислой - черный бред... Как скучно, холодно и больно! Когда б из памяти моей Я вычеркнуть имел бы право Сырой притон тоски твоей И скуки, мрачная Варшава! Лишь ты, сестра, твердила мне Своей волнующей тревогой О том, что мир - жилище бога, О холоде и об огне.

1910 - 6 февраля 1914

* * *

Земное сердце стынет вновь, Но стужу я
встречаю грудью. Храню я к людям на безлюдь
и Неразделенную любовь.

Но за любовью - зреет гнев, Растет презре-
нье и желанье Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: Забудь, поэт! Вернись в кра-
сивые уюты! Нет! Лучше сгинуть в стуже лю-
той! Уюта - нет. Покоя - нет.

1911 - 6 февраля 1814

* * *

В огне и холоде тревог Так жизнь пройдет.
Запомним оба, Что встретиться судил нам бог
В час искупительный - у гроба.

Я верю: новый век взойдет Средь всех
несчастливых поколений. Недаром славит каж-
дый род Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены В своих сердцах,
в своих певучих. И всем - священный меч
войны Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек - у нас всё те ж Заветы
юношам и девам: Презренье созревает гне-
вом, А зрелость гнева - есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант. Сердца по-

этов чутко внемлют, В их беспокойстве - воли
дремлют; Так точно - черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным, В очарованьи бездыханном, Среди глубоких недр, -
пока В горах не запоет кирка.

1910 - 6 февраля 1914

Fecit.. - Негодование рождает стих. Ювенал.
Сатиры, I, 79 (лат.).

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

(1909)

Sic finit occulte sic multos decipit aetas

Sic venit ad finem quidquid in orbe manet

Heu heu praeteritum non est revocabile
tempus

Heu propius tacito mors venit ipsa pede.

Надпись под часами в церкви Santa Maria
Novella

(Флоренция)

РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бренно, Похоро-
нила ты в веках. Ты, как младенец, спишь, Ра-
венна, У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота Уже не ввозят

мозаи'к. И догорает позолота В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги Нежнее грубый свод гробниц, Где зеленеют саркофаги Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы, Тенист и хладен их порог, Чтоб черный взор блаженной Галлы, Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды Забыт и стерт кровавый след, Чтобы воскресший глас Плакиды Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море, И розы оцепили вал, Чтоб спящий в гробе Теодорих О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни, Дома и люди - всё гроба. Лишь медь торжественной латыни Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре Равеннских девушек, порой, Печаль о невозвратном море Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам, Ведя векам грядущим счет, Тень Данта с профилем орлиным О Новой Жизни мне поет.

Май - июнь 1909

* * *

Почиет в мире Теодорих, И Дант не встанет с ложа сна. Где прежде бушевало море, Там - виноград и тишина. В ласкающем и тихом взоре Равеннских девушек - весна.

Здесь голос страсти невозможен, Ответа нет моей мольбе! О, как я пред тобой ничтожен! Завидую твоей судьбе, О, Галла! - страстию к тебе Всегда взволнован и встревожен!

Июнь 1909

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи. Взор твой - мечами пронзающий взор. Дева, не жду ослепительной встречи Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо. Лаской ли грубой тебя оскорблю? Лишь, как художник, смотрю за ограду, Где ты срываешь цветы, - и люблю!

Мимо, всё мимо - ты ветром гонима Солнцем палима - Мария! Позволь Взору - прозреть над тобой херувима, Сердцу - изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю Тайных стихов драгоценный алмаз. Жадно влюбленное сердце бросаю В темный источник сияю-

щих глаз.

3 июня 1909

ВЕНЕЦИЯ

1

С ней уходил я в море, С ней покидал я берег,
С нею я был далёко, С нею забыл я близких...

О, красный парус

В зеленой да'ли!

Черный стеклярус

На темной шали!

Идет от сумрачной обедни, Нет в сердце
крови... Христос, уставший крест нести...

Адриатической любви

Моей последней

Прости, прости!

9 мая 1909

2

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны. Гондол без-
молвные гроба. Я в эту ночь - больной и
юный Простерт у львиного столба. На башне,
с песнию чугунной, Гиганты бьют полночный
час. Марк утопил в лагуне лунной Узорный
свой иконостас.

В тени дворцовой галереи, Чуть озаренная луной, Таясь, проходит Саломея С моей кровавой головой.

Всё спит - дворцы, каналы, люди, Лишь призрака скользкий шаг, Лишь голова на черном блюде Глядит с тоской в окрестный мрак.

Август 1909

3

Слабеет жизни гул упорный. Уходит вспять прилив забот. И некий ветер сквозь бархат черный О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне, Не в этой сумрачной стране? И памятью об этой жизни Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа, Купец, рыбак, иль иерей В грядущем мраке делит ложе С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы Канцоной нежной слух пленя, Отец грядущий сквозь напевы Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке Младенцу мне - велит судьба Впервые дрогнувшие веки Открыть у львиного столба?

Мать, что' поют глухие струны? Уж ты меч-

таешь, может быть, Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, - живо! Мечты,
виденья, думы - прочь! Волна возвратного
прилива Бросает в бархатную ночь!

26 августа 1909

ПЕРУДЖИЯ

День полувеселый, полустрадный, Голубая
даль от Умбрских гор. Вдруг - минутный ли-
вень, ветер прохладный, За окном открытым -
громкий хор.

Там - в окне, под фреской Перуджино, Чер-
ный глаз смеется, дышит грудь: Кто-то смуг-
лою рукой корзину Хочет и не смеет дотя-
нуть...

На корзине - белая записка: "Questa sera...
монастырь Франциска..."

Июнь 1909

ФЛОРЕНЦИЯ

1

Умри, Флоренция, Иуда, Исчезни в сумрак
вековой! Я в час любви тебя забуду, В час
смерти буду не с тобой!

О, Bella, смейся над собою, Уж не прекрас-
на больше ты! Гнилой морщиной гробовою

Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили, Твои уродливы
дома, Всеевропейской желтой пыли Ты преда-
ла себя сама!

Звенят в пыли велосипеды Там, где святой
монах сожжен, Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Ме'дичей тревожишь, Ты топ-
чешь лилии свои, Но воскресить себя не мо-
жешь В пыли торговой толчеи! Гнусавой мес-
сы стон протяжный И трупный запах роз в
церквах Весь груз тоски многоэтажный Сгинь
в очистительных веках!

Май - июнь 1909

2

Флоренция, ты ирис нежный; По ком то-
мился я один Любовью длинной, безнадеж-
ной, Весь день в пыли твоих Кашин?

О, сладко вспомнить безнадежность: Меч-
тать и жить в твоей глуши; Уйти в твой древ-
ний зной и в нежность Своей стареющей ду-
ши...

Но суждено нам разлучиться, И через даль-
ние края Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909

3

Страстью длинной, безмятежной Занялась
душа моя, Ирис дымный, ирис нежный, Бла-
говония струя, Переплыть велит все реки На
воздушных парусах, Утонуть велит навеки В
тех вечерних небесах, И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной В голубое голубою
Унесет меня волной...

Июнь 1909

4

Жгут раскаленные камни Мой лихорадоч-
ный взгляд. Дымные ирисы в пламени, Слов-
но сейчас улетят. О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть! В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

Июнь 1909

5

Окна ложные на' небе черном, И прожек-
тор на древнем дворце. Вот проходит она - вся
в узорном И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры И по жилам
огнем разлилось... Что мне спеть в этот вечер,
синьора? Что мне спеть, чтоб вам сладко спа-
лось?

Июнь 1909

6

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты: Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства, Храни хоть
творческую ложь: Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

17 мая 1909

7

Голубоватым дымом Вечерний зной возно-
сится, Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо Летучей мышью
бросится Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах Несметный сонм ог-
ней, И вот уже в витринах Ответный блеск
камней, И город скрыли горы В свой сумрак
голубой, И тешатся синьоры Канцоной пло-
щадной.

Дымится пыльный ирис, И легкой пеной
пенится Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире, Флоренция, измен-
ница, В венке спаленных роз!..

Сведи с ума канцоной О преданной любви,
И сделай ночь бессонной, И струны оборви, И

бей в свой бубен гулкий, Рыдания тая! В пустынном переулке Скорбит душа твоя...

Август 1909

* * *

Вот девушка, едва развившись, Еще не потупляясь, не краснея, Непостижимо черным взглядом Смотрит мне навстречу. Была бы на то моя воля, Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно, У выветрившегося камня Септимия Севе'ра. Смотрел бы я на камни, залитые солнцем, На красивую загорелую шею и спину Некрасивой женщины под дрожащими то полями.

15 мая 1909 Settignano

MADONNA DA SETTIGNANO

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор Понял тосканские пыльные дали

И очертания гор.

Желтый платок твой разубран цветами

Сонный то маковый цвет. Смотришь большими, как небо, глазами

Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые

Вечному путнику - мне? Страстно твердить

твое имя, Мария,

Здесь, на чужой стороне?

3 июня 1909

ФЬЕЗОЛЕ

Стучит топор, и с кампанил К нам флорентийский
звон долинный Плывет, доплыл и разбудил Сон
золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор В нагорном Фье'золе
когда-то, Когда впервые взор Беато Флоренцию
приметил с гор?

Июнь 1909

СИЕНА

В лоне площади пологой Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий, Башни - свечи божества.

О, лукавая Сиена, Вся - колчан упругих стрел!
Вероломство и измена Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен Оградясь со всех сторон,
Острия церковей и башен Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный Исполняют образа,
Где коварные мадонны Щурят длинные глаза:

Пусть грозит младенцу буря, Пусть грозит

младенцу враг, Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощурия!..

7 июня 1909

СИЕНСКИЙ СОБОР

Когда страшишься смерти скорой, Когда
твои неярки дни, К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи? Вот здесь -
Сивилины уста В безумном трепете проро-
чат О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело, Довольный воз-
растом своим. Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот - мальчик над цветком и с птицей,
Вот - муж с пергаментом в руках, Вот - дрях-
лый старец над гробницей Склоняется на
двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай, Не по-
нуждай и не зови: Когда-нибудь придет он,
строгий, Кристально-ясный час любви.

Июнь 1909

* * *

Искусство - ноша на плечах, Зато как мы,
поэты, ценим Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени, Почувство-

вать, как в жилах кровь Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь Поймать за тучкою
летучей, И грезить, будто жизнь сама Встает
во всем шампанском блеске В мурлыкающем
нежно треске Мигающего cine'ma! А через
год - в чужой стране: Усталость, город неиз-
вестный, Толпа, - и вновь на полотне Черты
француженки прелестной!..

Июнь 1909 Foligno

* * *

Глаза, опущенные скромно, Плечо, закры-
тое фатой... Ты многим кажешься святой, Но
ты, Мария, вероломна...

Быть с девой - быть во власти ночи, Ка-
чаться на морских волнах... И не напрасно
эти очи К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной Поставил
с братией ее Подальше от мечты греховной, В
молитвенное забытье...

Однако, братьям надоело
.

Конец преданьям и туманам! Теперь - во
всех церквах она Равно - монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный Красы бо-

жественной - поэт... Он видит твой необычайный, Немеркнувший, Мария, свет! Он на коленях в нише темной Замолит страстные грехи, Замолит свой восторг нескромный, Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно, Не гневайся и не дивись, Что взглянет он порой влюбленно В твою ласкающую высь!

12 июня 1909

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

С детских лет - видения и грезы, Умбрии ласкающая мгла. На оградах вспыхивают розы, Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги, Слишком дерзок их открытый взор. Лишь она одна в предвечном круге Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды, Грезятся несбыточные сны. И внезапно - красные одежды Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками, Но везде - сквозь золото ресниц Вихрь ли с многоцветными крылами, Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью Мол-

вит: "Здравствуй! Ты полна красоты!" И она дрожит пред страстной вестью, С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет - ближе, ближе, Уж над ней - шумящих крыл шатер... И она без сил склоняет ниже Потемневший, помутневший взор... Трепеща, не верит: "Я ли, я ли?" И рукою закрывает грудь... Но чернеют пламенные дали Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда - незнаемую болью Озарился светлый круг лица... А над ними - символ своеволия Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, Он провидит страстной муки крест И твердит: "Profani, procul ite, Nic amoris locus sacer est".

Май - июнь 1909 Perudgia - Spoleto

УСПЕНИЕ

Ее спеленутое тело Сложили в молодом лесу. Оно от мук помолодело, Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый, С волненьем, в сжатые персты В последний раз архангел старый Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины Прощальным отблеском заря, И над туманами долины Встают

усопших три царя.

Их привела, как в дни былые, Другая, поздняя звезда. И пастухи, уже седые, Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою Долины заступила мгла. Лишь меж звездой и зарею Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам Поет ручей, цветет миндаль, И над открытым саркофагом Могильный ангел смотрит в даль.

4 июня 1909 Spoleto

ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ

Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный, Дивная прелесть моей кисти - у всех на устах. Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски, Набожных души умел - голосом бога смутить. Даже природа сама, на мои заглядевшись созданья, Принуждена меня звать мастером равным себе.

В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий Ме'дичи, прежде чем я в низмен-

ный прах обращаюсь.

17 марта 1914

Sic... - Так незаметно многих уничтожают
годы, // Так приходит к концу всё сущее в ми-
ре; // Увы, увы, невозвратно минувшее вре-
мя, // Увы, торопится смерть неслышным ша-
гом. (лат.).

Questa sera - Сегодня вечером (итал.).

Bella - Прекрасная (итал.) - распространен-
ное в Италии название Флоренции.

Profani... - Идите прочь, непосвященные:
здесь свято место любви (лат.).

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1908 - 1916)

ЗА ГРОБОМ

Божья мать Утоли моя печали Перед гро-
бом шла, светла, тиха. А за гробом - в траур-
ной вуали Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный, Только
слов кощунственных творец... Но мертвец-
родной душе народной: Всякий свято чтит
она конец.

И навстречу кланялись, крестили Много-

думный, многотрудный лоб. А друзья и близкие пылили На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью (Не о нем - бог весть о ком?) Приняла она слова сочувствий И венок случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья, Никому не нужные слова Возвела она в венец творенья, В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили, Где и грусть не может быть тиха, Убралась она фатой от пыли И ждала Иного Жениха...

6 июля 1908

ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны, Завистливы, глухи, чужды, А как бы и жить и работать, Не зная извечной вражды!

Что' делать! Ведь каждый старался Свой собственный дом отравить, Все стены пропитаны ядом, И негде главы приклонить!

Что' делать! Изверившись в счастье, От смеху мы сходим с ума И, пьяные, с улицы смотрим, Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе, Пустых рас-

точители слов, Что' делать! Мы путь расчи-
щаем Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве Несчастные
кости сгниют, Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый, Ни в чем
не повинных ребят Годами рожденья и смер-
ти И ворохом скверных цитат...

Печальная доля - так сложно, Так трудно и
празднично жить, И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне, Забыться
бы сном навсегда! Молчите, проклятые кни-
ги! Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал На
почве болотной и зыбкой. Там жили поэты, -
и каждый встречал Другого надменной улыб-
кой.

Напрасно и день светозарный вставал Над
этим печальным болотом: Его обитатель свой
день посвящал Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно. Под утро их рвало.

Потом, запершись, Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы, Смотрели, как море горело. И золотом каждой проходной косы Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом, Ругали издателей дружно. И плакали горько над малым цветком, Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг! Ты думаешь, может быть, - хуже Твоих ежедневных бессильных потуг, Твоей обывательской лужи? Нет, милый читатель, мой критик слепой! По крайности, есть у поэта И косы, и тучки, и век золотой, Тебе ж недоступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой, Своей конституцией куцой, А вот у поэта - всемирный запой, И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес, Пусть жизнь меня в землю втоптала, Я верю: то бог меня снегом занес, То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

* * *

Когда замрут отчаянье и злоба, Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, грезишь в эти Часы.
Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.
И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:
Всё та же ты, какой цвела когда-то, Там,
над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнувшей зари.

1 августа 1908

* * *

Ты так светла, как снег невинный. Ты так
бела, как дальний храм. Не верю этой ночи
длинной И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой, Я тоже верить
не хочу. Быть может, путник запоздалый, В
твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки Неверного сама
простишь, Изменнику протянешь руки, Вес-
ной далекой наградишь.

8 ноября 1908

* * *

Всё это было, было, было, Свершился дней
круговорот. Какая ложь, какая сила Тебя, про-
шедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный, У стен
Московского Кремля, Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невою, Под ветром,
в стужу, в ледоход Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне Под шелест
осени седой Мне тело в дождевом тумане Рас-
клю'ет коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной, В ка-
ких-то четырех стенах, С необходимостью же-
лезной Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей, Забуду преж-
нюю мечту, И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту? Но верю - не прой-
дет бесследно Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной, Весь этот
непонятный пыл!

Август 1909

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку И на играющих
детей Сусальный ангел смотрит в щелку За-
крытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской, Огонь тре-
щит, горит светло... Но ангел тает. Он - немец-

кий. Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки, Головка падает назад, Сломались сахарные ножки И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла. Хозяйка ищет - нет его... А няня старая оглохла, Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите, Созданья хрупкие мечты, Под ярким пламенем событий, Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что' в вас толку? Пускай лишь раз, былым дыша, О вас поплачет втихомолку Шалунья девочка - душа...

25 ноября 1909

СОН

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе Схоронены; а жизнь идет Вверху - всё громче, всё нелепей; И день последний настает.

Чуть брежит утро Воскресенья. Труба далекая слышна. Над нами - красные каменья И мавзолей из чугуна.

И он идет из дымной дали; И ангелы с мечами - с ним; Такой, как в книгах мы читали, Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода Лежит спокойная жена; Но ей не дорога свобода: Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шепчет: "Мой сын, ты в жизни был силен: Нажми рукою свод покрепче, И камень будет отвален".

"Нет, мать. Я задохнулся в гробе, И больше нет бывалых сил. Молитесь и просите обе, Чтоб ангел камень отвалил".

20 июня 1910

КОМЕТА

Ты нам грозишь последним часом, Из синей вечности звезда! Но наши девы - по атласам Выводят шелком миру: да! Но будят ночь всё тем же гласом Стальным и ровным - поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья Берлин, и Лондон, и Париж, И мы не знаем удивленья, Следя твой путь сквозь стекла крыш, Бензол приносит исцеленья, До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний, Как ты, исполнен буйством грез: Через Симплон, моря, пустыни, Сквозь алый вихрь небесных роз, Сквозь ночь, сквозь мглу - стремят отны-

не Полет - стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою, Звезды
ужасной красота! Смолкай сердито за спи-
ною, Однообразный треск винта! Но гибель
не страшна герою, Пока безумствует мечта!

Сентябрь 1910

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной Спа-
ла' зеленая вода, Когда кильватерной колон-
ной Вошли военные суда.

Четыре - серых. И вопросы Нас волновали
битый час, И загорелые матросы Ходили важ-
но мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире, И вдруг - су-
да уплыли прочь. Нам было видно: все четы-
ре Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море, Маяк уныло
замигал, Когда на низком семафоре Послед-
ний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо Нам, детям, - и
тебе и мне. Ведь сердце радоваться радо И са-
мой малой новизне.

Случайно на ноже карманном Найди пы-
линку дальних стран И мир опять предстанет
странным, Закутанным в цветной туман!

1911 - 6 февраля 1914

Aber'Wrach, Finistere

* * *

Благословляю всё, что было, Я лучшей доли не искал. О, сердце, сколько ты любило! О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастье и муки Свой горький положили след, Но в страстной буре, в долгой скуке Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым, Прости меня. Нам быть - вдвоем. Всё то, чего не скажешь словом, Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательные очи, И сердце бьёт, волнуясь, в грудь, В холодном мраке снежной ночи Свой верный продолжая путь.

15 января 1912

ПОСЛАНИЯ

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ (При получении "Идиллий и элегий")

Дождь мелкий, разговор неспешный, Изпод цилиндра прядь волос, Смех легкий и немножко грешный Ведь так при встречах повелось?

Но вот - какой-то светлый гений С туманным факелом в руке Занес ваш дар в мой дом

осенний, Где я - в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом Я вспомнил вас,
люблю уже За каждый ваш намек о новом В
старинном, грустном чертеже.

Мы посмеялись, пошутили, И всем придется
скажет, может быть, Сквозь резвость томную
идиллий В ночь скорбную элегий плыть.

Сентябрь 1910

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ (При получении "Зеркала теней")

И вновь, и вновь твой дух таинственный В
глухой ночи', в ночи' пустой Велит к твоей
мечте единственной Прильнуть и пить напиток
твой.

Вновь причастись души неистойой, И яд, и
боль, и сладость пей, И тихо книгу перели-
стывай, Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказа'нной мукой мучая, Здесь
бьется страсть, змеится грусть, Восторженная
буря случая Сулит конец, убийство - пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала, Здесь
стало легкою мечтой, И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено: "Гори, гори.
Живи, живи. Пускай крыло души простреле-

но Кровь обагрит алтарь любви".

20 марта 1912

ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ

(Ответ)

Да, знаю я: пронзили ночь отвеса
Незримые лучи. Но меры нет страданью
человека,

Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне - мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!), Но этот шар над
льдом жесток и красен,

Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна, Что ищет нас, что в
свисте ветра длится

Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму, Приснится, что не в
вечный свет вошел он,

А луч сошел к нему.

23 марта 1912

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Был скрипок вой в разгаре бала. Вином и
кровию дыша, В ту ночь нам судьбы диктова-
ла Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких В наш
огнь вступивши снеговой, В кругу безумных,
томнооких Ты золотою встал главой.

Слегка согбен, не стар, не молод, Весь - излученье тайных сил, О, скольких душ пустынный
холод Своим ты холодом пронзил!

Был миг - неведомая сила, Восторгом разрывая
грудь, Сребристым звоном оглушила, Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

И в этот миг, в слепящей вьюге, Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге, Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели В те дни один и тот же стих.
Но миновалась ныне вьюга. И горькой складкой те года Легли
на сердце мне. И друга В тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен, И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен! Да, царь самодержавный - ты.

А я, печальный, нищий, жесткий, В час
утра встретивший зарю, Теперь на пыльном
перекрестке На царский поезд твой смотрю.

18 апреля 1912

АННЕ АХМАТОВОЙ

"Красота страшна" - Вам скажут, Вы наки-
нете лениво Шаль испанскую на плечи, Крас-
ный розан - в волосах.

"Красота проста" - Вам скажут, Пестрой ша-
лью неумело Вы укроете ребенка, Красный
розан - на полу.

Но, рассеянно внимая Всем словам, кругом
звучащим, Вы задумаетесь грустно И тверди-
те про себя:

"Не страшна и не проста я; Я не так страш-
на, чтоб просто Убивать; не так проста я, Чтоб
не знать, как жизнь страшна".

16 декабря 1913

* * *

И вновь - порывы юных лет, И взрывы сил,
и крайность мнений... Но счастья не было - и
нет. Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года. Тебя подстерегают
всюду. Но если выйдешь цел - тогда Ты, нако-
нец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты, Что счастья и не
надо было, Что сей несбыточной мечты И на
пол-жизни не хватило,

Что через край перелилась Восторга твор-
ческого чаша, И всё уж не мое, а наше, И с ми-
ром утвердилась связь,

И только с нежною улыбкой Порою бу-
дешь вспоминать О детской той мечте, о зыб-
кой, Что счастием привыкли звать!

19 июня 1912

ХУДОЖНИК

В жаркое лето и в зиму метельную, В дни
ваших свадеб, торжеств, похорон, Жду, чтоб
спугнул мою скуку смертельную Легкий, досе-
ле не слышанный звон.

Вот он - возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить. И перед
зорким моим ожиданием Тянет он еле при-
метную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские В
листьях поют? Или время стоит? Или осыпа-
ли яблони майские Снежный свой цвет? Или
ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие. Ширятся
звуки, движенье и свет. Прошлое страстно

глядится в грядущее. Нет настоящего. Жалкого - нет.

И, наконец, у предела зачатия Новой души, неизведанных сил, Душу сражает, как громом, проклятие: Творческий разум осилил - убил.

И замыкаю я в клетку холодную Легкую, добрую птицу свободную, Птицу, хотевшую смерть унести, Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка - стальная, тяжелая, Как золотая, в вечернем огне. Вот моя птица, когда-то веселая, Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены. Любите вы под окном постоять? Песни вам нравятся. Я же, измученный, Нового жду - и скучаю опять.

12 декабря 1913

* * *

О, нет! не расколдуешь сердца ты Ни лестию, ни красотой, ни словом. Я буду для тебя чужим и новым, Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый Прижмешь к губам ты, пребывая в снах. Всё будет сном: что ты хоронишь тело, Что ты стоишь

три ночи в головах.

Упоена красивыми мечтами, Ты укоризны будешь слать судьбе. Украсишь ты нежнейшими цветами Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою В девятый день, и в день сороковой Неузнанной, красивой, неживою. Такой ведь ты искала? - Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время, Захочешь жить, сначала робко, ты Другими снами, сказками не теми... И ты простой возжаждешь красоты.

И он придет, знакомый, долгожданный, Тебя будить от неземного сна. И в мир другой, на миг благоуханный, Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный, В тот день, когда придет твой новый друг, В тот самый миг, когда твой смех жемчужный Ему расскажет, что прошел недуг.

Забудешь ты мою могилу, имя... И вдруг очнешься: пусто; нет огня; И в этот час, под ласками чужими, Припомнишь ты и призовешь - меня!

Как иступленно ты протянешь руки В
глухую ночь, о, бедная моя! Увы! Не долетают
жизни звуки К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить! Но есть
ответ в моих стихах тревожных: Их тайный
жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913

ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

Да, я извела все муки, Мечтала жадно о
конце... Но нет! Остановились руки, Живу - с
печалью на лице...

Весной по кладбищу бродила И холмик ма-
ленький нашла. Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых К могиле на
закате дня... Но кто-то ходит, ходит мимо И
взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встретя, Я в нем
внимание прочла... Нет, я одна на целом све-
те!.. Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость? Или по-
правилась ему Лица печального усталость?
Иль просто - скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою: Он строен, он печален; пусть Не ляжет между ним и мною Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами Стоит, он подошел в упор... Ему я гневными речами Уже готовлюсь дать отпор,

И вдруг, с мучительным усилием, Чуть слышно произносит он: "О, не пугайтесь. Здесь в могиле Ребенок мой похоронен".

Я извинилась, выражая Печаль наклоном головы; А он, цветы передавая, Сказал: "Букет забыли вы".

"Цветы я в память встречи с вами Ребенку вашему отдам..." Он, холодно пожав плечами, Сказал: "Они нужнее вам".

Да, я винюсь в своей ошибке, Но... не прощу до смерти (нет!) Той снисходительной улыбки, С которой он смотрел мне вслед!

Август 1914

ПЕРЕД СУДОМ

Что' же ты потупилась в смущеньи? Погляди, как прежде, на меня. Вот какой ты стала - в униженьи, В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой - не прежний, Недо-

ступный, гордый, чистый, злой. Я смотрю добрей и безнадежней На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права, Я тебя не в силах упрекнуть За мучительный твой, за лукавый, Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому, Чем иные, знаю жизнь твою, Более, чем судьям, мне знакомо, Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время, Нас вела пагубная страсть, Мы хотели вместе сбросить бремя И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая, Догорим мы вместе - ты и я, Что дано, в объятьях умирая, Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула Та мечта, как всякая мечта, И что жизнь безжалостно стегнула Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой, И мечта права, что нам лгала. Всё-таки, когда-нибудь счастливой Разве ты со мною не была?

Эта прядь - такая золотая Разве не от старого огня? Страстная, безбожная, пустая, Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

АНТВЕРПЕН

Пусть это время далеко', Антверпен! - И за морем крови Ты памятен мне глубоко... Речной туман ползет с верховий Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой В тумане теплом и глубоком, Как взор фламандки молодой, Нет счета мачтам, верфям, докам, И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь, В широко стелющемся дыме Уж якоря готов отдать Тяжелый двухмачтовый стимер: Ему на Конго курс держать...

А ты - во мглу веков глядишь В спокойном городском музее: Там царствует Квентин Массис; Там в складки платья Саломеи Цветы из золота вплелись...

Но всё - притворство, всё - обман: Взгляни наверх... В клочке лазури, Мелькающем через туман, Увидишь ты предвестье бури Кружащийся аэроплан.

5 октября 1914

* * *

Похоронят, зароят глубоко, Бедный холмик травой порастет, И услышим: далёко, вы-

соко На земле где-то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим, Пробудясь от ленивого сна. Знаем: если не громко - там осень, Если бурно - там, значит, весна.

Хорошо, что в дремотные звуки Не вступают восторг и тоска, Что от муки любви и разлуки Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно; Здесь, пожалуй, надумаем мы, Что' под жизнью беспутной и путной Разумели людские умы.

18 октября 1915

* * *

На улице - дождик и слякоть, Не знаешь, о чем горевать. И скучно, и хочется плакать, И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины И дум неотвязный угар. Давай-ка наколем лучины, Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем Ворчливые речи мои Затемят случайным весельем Сонливые очи твои.

За верность старинному чину! За то, чтобы жить не спеша! Авось, и распарит кручину Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

* * *

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой: Не для ласковых
слов я выковывал дух, Не для дружб я боролся
с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звезда'м прочитатъ ты умел, Что грядущие
ночи - темней и темней, Что ночам неизве-
стен предел.

Вот - свершилось. Весь мир одичал, и
окрест Ни один не мерцает маяк. И тому, кто
не понял вещания звезд, Нестерпим окружа-
ющий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, Затуманила
сердце усталость и месть, Отвращенье скри-
вило уста...

Было время надежды и веры большой Был
я прост и доверчив, как ты. Шел я к людям с
открытой и детской душой, Не пугаясь люд-
ской клеветы...

А теперь - тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось. И к кому шел
с открытой душою тогда, От того отвернуться
пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала, Тревол-
нениям отдаться спеша, И враждой, и любо-
вью она изошла, И сгорела она, та душа.

И остались - улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть Бунтовать
ненасытную женскую кровь, Зажигая звери-
ную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи: Ты не встре-
тишь участия у бедных зверей, Называвших-
ся прежде людьми.

Ты - железною маской лицо закрывай, По-
клоняясь священным гробам, Охраняя желе-
зом до времени рай, Недоступный безумным
рабам.

9 июня 1916

АРФЫ И СКРИПКИ

(1908 - 1916)

* * *

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету. И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну, И стало дивно на мо-
сту Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада... И под мостом поет во-
да:

Смотри, какие быстрины', Оставь заботы
навсегда, Такой прозрачной глубины
Не видел никогда... Такой глубокой тиши-
ны

Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины, Когда ты видел
эти сны?..

22 мая 1908

* * *

Душа! Когда устанешь верить? Весна, вес-
на! Она томна, Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...

Едва, подругу покидая, Ушел я в тишину и
тьень, И вот опять - зовет другая, Другая вызы-
вает день...

Но мглой весеннею повито Всё, что кипело
здесь в груди... Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...

26 марта 1908

* * *

И я любил. И я изведаль Безумный хмель
любовных мук, И пораженья, и победы, И

имя: враг; и слово: друг.

Их было много... Что' я знаю? Воспоми-
нья, тени сна... Я только странно повторяю Их
золотые имена.

Их было много. Но одною Чертой соединил
их я, Одной безумной красотой, Чье имя:
страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершая, И поднима-
ясь над землей, Я видел, как идет другая На
ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи, Постылый тре-
пет жадных уст, И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем, С вершины са-
мых снежных скал Я шлю лавину тем уще-
льям, Где я любил и целовал!

30 марта 1908

* * *

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами! Вечный
стук в ворота: выходи! Голубая дымка за пле-
чами, Неизвестность, гибель впереди! Жен-
щины с безумными очами, С вечно смятой ро-
зой на груди! Пробудись! Пронзи меня меч-
ми, От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широком кругом В хороше-
де пламенном пройти, Пить вино, смеяться с
милым другом И венки узорные плести, Раз-
дарить цветы чужим подругам, Страстью, гру-
стью, счастьем изойти, Но достойней за тяже-
лым плугом В свежих росах по'утру идти!

28 мая 1908

ТРИ ПОСЛАНИЯ

В.

1

Всё помнит о весле вздыхающем Мое бла-
женное плечо... Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые, Неверный по-
ворот руля... И уходящий в ночи белые Невер-
ный призрак корабля...

И в ясном море утопающий Печальный
стан рыбацких шхун... И в золоте восходном
тающий Бесцельный путь, бесцельный
вьюн...

28 мая 1908

2

Черный ворон в сумраке снежном, Черный
бархат на смуглых плечах. Томный голос пе-
нием нежным Мне поет о южных ночах.

В легком сердце - страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак. Над бездон-
ным провалом в вечность, Задыхаясь, летит
рысак.

Снежный ветер, твое дыханье, Опьянен-
ные губы мои... Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен! В
нем - твоих поцелуев бред, Темный мо'рок
цыганских песен, Торопливый полет комет!

Февраль 1910

3

Знаю я твое льстивое имя, Черный бархат
и губы в огне, Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность У меня меж
бровей на челе: Она жжет меня, черная рев-
ность По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки, Вспоминаю те
вьюги, снега, Твои дикие слабые руки, Бормо-
таний твоих жемчуга.

18 ноября 1910

ВСТРЕЧНОЙ

Я только рыцарь и поэт, Потомок северно-
го скальда. А муж твой носит томик Уайльда,

Шотландский плэд, цветной жилет... Твой муж - презрительный эстет.

Не потому ль насмешлив он, Что подозрителен без меры? Следит, кому отдашь поклон... А я... что' мне его химеры! Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью, Как ризами, облечена... Скажи мне, верная жена, Дрожала ль ты заветной дрожью, Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный, Ревнивый и смешной супруг Шептал тебе: "Поедем, друг...", Тебя закутав в плэд зеленый От зимних петербургских вьюг?

И неужели после бала Твой не лукавил томный взгляд, Когда воздушный свой наряд Ты с плеч покатых опускала, Изведав танца легкий яд?

2 июня 1908

МЭРИ

1

Опять у этой двери Оставила коня И пухом светлых прерий Овеяла меня, И профиль прежней Мэри Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи, Укрась мое жилье,

Пусть будут те же речи Про вольное житье,
Твои высокие плечи, Безумие мое!

Последней страсти ярость, В тебе величье
есть: Стучащаяся старость И близкой смерти
весть... О, зрелой страсти ярость, Тебя не пере-
нести!

2

Жениха к последней двери
Проводив, О негаданной потере
Погрустив, Встала Мэри у порога, Грустно
смотрит на дорогу, Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
Мэри, спой. Спой о жизни одиноко
Прожитой... Спой о том, что' не свершил
он, Для чего от нас спешил он В незнакомый,
тихий край, В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери, Нежной песне мы
поверим, Погрустим с тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены, Руки опущены,
Слезы уронены, Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть

Жемчугами... Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...

Мы о Мэри грустим и поем, А вверху, в во-
доеме твоём,

Тихий господи, И не счесть светлых рос, Не
заплесть желтых кос
Тучки утренней.

17 июля 1908

* * *

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и
темнее... Что падают звезды, чертя серебри-
стые нити, Что пляшут в стакане вина золо-
тистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сет-
ку, И винные змеи сплетутся в одну бесконеч-
ность, Поднимут, закрутят и бросят ненуж-
ную клетку В бездонную пропасть, в какую-то
синюю вечность.

30 июля 1908

* * *

Я пригвожден к трактирной стойке. Я пьян
давно. Мне всё - равно. Вон счастье мое - на
тройке В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло В снегу времен,
в дали веков... И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет, От искр всю
ночь, всю ночь светло... Бубенчик под дугой
лепечет О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая Всю ночь видна...
Всю ночь слышна... А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

26 октября 1908

* * *

Не затем величал я себя паладином, Не за-
тем ведь и ты приходила ко мне, Чтобы толь-
ко рыдать над потухшим камином, Чтобы
только плясать при умершем огне!

Или счастье вправду неверно и быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и стар? Нет! В
золе еще бродят последние искры, Есть огонь,
чтобы вспыхнул пожар!

30 декабря 1908

* * *

Часовая стрелка близится к полно'чи. Свет-
лою волною всколыхнулись свечи. Темною
волною всколыхнулись думы. С Новым годом,
сердце! Я люблю вас тайно, Вечера глухие,
улицы немые. Я люблю вас тайно, темная по-
друга Юности порочной, жизни догоревшей.

4 ноября 1908

* * *

Старинные розы Несу, одиноко, В снега и в морозы, И путь мой далек. И той же тропею, С мечом на плече, Идет он за мною В туманном плаще. Идет он и знает, Что снег уже смят, Что там догорает Последний закат, Что нет мне исхода Всю ночь напролет, Что больше свобода За мной не пойдет. И где, запоздалый, Сыщу я ночлег? Лишь розы на талый Падают снег. Лишь слезы на алый Падают снег. Тоскуя смертельно, Помочь не могу. Он розы бесцельно Затопчет в снегу.

4 ноября 1908

* * *

Уже над морем вечереет, Уж ты мечтой меня томишь, И с полуночи ветер веет Через неласковый камыш.

Огни на мачтах зажигаю, Уходят в море корабли, А ты, ночная, ты, земная, Опять уносишь от земли.

Ты вся пленительна и лжива, Вся - в отступающих огнях, Во мгле вечернего залива, В легко-туманных пеленах.

Позволь и мне огонь прибрежный Тебе на встречу развести, В венок страстно'й и неиз-

бежный Цветок влюбленности вплести...

Обетование неложно: Передо мною - ты
опять. Душе влюбленной невозможно О слад-
кой смерти не мечтать.

24 ноября 1908

* * *

Всё б тебе желать веселья, Сердце, золото
мое! От похмелья до похмелья, От приволья
вновь к приволью Беспечальное житье!

Но низка земная келья, Бледно золото
твое! В час разгульного веселья Вдруг нама-
шет страстной болью, Черным крыльем воро-
нье!

Всё размучен я тобою, Подколотная змея!
Синечерною косою Мила друга оплетая, Ты
моя и не моя!

Ты со мной и не со мною Рвешься в даль-
ние края! Оплетешь меня косою И услы-
шишь, замирая, Мертвый окрик воронья!

7 декабря 1908

* * *

Я не звал тебя - сама ты
Подошла. Каждый вечер - запах мяты, Ме-
сяц узкий и щербатый,
Тишь и мгла.

Словно месяц встал из далей,
Ты пришла В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
Два крыла.
На траве, едва примятой,
Легкий след. Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.
И живу с тобою рядом,
Как во сне. И живу под бледным взглядом
Долгой ночи, Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.

7 декабря 1908

* * *

Грустя и плача и смеясь, Звенят ручьи мо-
их стихов

У ног твоих,
И каждый стих Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.

Но сквозь хрустальные струи Ты далека
мне, как была... Поют и плачут хрустали... Как
мне создать черты твои, Чтоб ты прийти ко
мне могла

Из очарованной дали'?

8 декабря 1908

* * *

Опустись, занавеска линиялая, На больные герани мои. Сгинь, цыганская жизнь небывала-лая, Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную Убирала степным ковылем! Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную Зелены'м отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными Рассти-лалася ты предо мной, Ой ли косами и'сси-ня-черными, Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шопоте, в за'бытьи, Неземные ль какие слова? Сам не свой только был я, без памяти, И ходила кругом голова...

Спалена' моя степь, трава сва'лена, Ни огня, ни звезды, ни пути... И кого целовал - не моя вина, Ты, кому обещался, - прости...

30 декабря 1908

* * *

Мой милый, будь смелым

И будешь со мной.

Я вишеньем белым

Качнусь над тобой.

Зеленой звездою

С востока блесну,
Студеной волною
На панцырь плесну,
Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,
Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.
Нам в темные ночи
Легко умереть
И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

1 января 1909

* * *

Не венчал мою голову траурный лавр
В эти годы пиров и скорбей. Праздненья слух был
исполнен громами литавр, Сердце - музыкой
буйных страстей.

Светлой ангельской лжи не знавал я отрав,
Не бродил средь божественных чащ. Сон мой
длился века, все виденья собрав В свой широ-
кий, полунощный плащ.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Найдите - вновь он совьется во тьму. Беззакат-
ного дня, легковерные, нет. Я ночного плаща
не сниму.

19 января 1909

* * *

Покойник спать ложится
На белую постель. В окне легко кружится
Спокойная метель. Пуховым ветром мчит-
ся

На снежную постель.
Снежинок легкий пух
Куда летит, куда? Прошли, прошли года,
Прости, бессмертный дух, Мятежный взор
и слух!

Настало никогда.
И отдых, милый отдых
Легко прильнул ко мне. И воздух, вольный
воздух

Вздохнул на простыне. Прости, крылатый
дух!

Лети, бессмертный пух!

3 февраля 1909

* * *

Уж вечер светлой полосой На хладных
рельсах догорал. Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал. Твой быст-
рый взор огнем докучным Меня обжог и осле-
пил. Мгновенье... громом однозвучным Нас

черный поезд разделил... Когда же чуть дрожащим звоном Пропели рельсы: не забудь, И семафор огнем зеленым Мне указал свободный путь, Уж ты далёко уходила, Уже теряла цвет трава... Там пыль взвилась, там ночь вступила В свои туманные права... Тревожный свист и клубы дыма За поворотом на горе... Напрасный миг, проплывший мимо... Огонь зеленый на заре.

1 марта 1909

* * *

Здесь в сумерки в конце зимы Она да я - лишь две души. "Останься, дай посмотрим мы, Как месяц канет в камыши". Но в легком свисте камыша, Под налетевшим ветерком, Прозрачным синеньким ледком Подернулась ее душа... Ушла - и нет другой души, Иду, мурлычу: тра-ля-ля... Остались: месяц, камыши, Да горький запах миндаля.

27 марта 1909

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

К. М. С.

1

Всё та же озерна'я гладь, Всё так же каплет соль с градирен. Теперь, когда ты стар и ми-

рен, О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен Той
давней, незабвенной тени?

Ты позови - она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июнь 1909

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я - память, весь я - слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу - вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.
В те'нях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет
Всё - как призрак, всё - как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

Июнь 1909

3

Когда мучительно восстали Передо мной
дела и дни, И сном глубоким от печали За-
былся я в лесной тени,

Не знал я, что в лесу девичьем Проходит
память прежних дней, И, пробудясь в игре те-
ней, Услышал ясно в пеньи птичьим:

"Внимай страстям, и верь, и верь, Зови их
всеми голосами, Стучись полночными часа-
ми В блаженства замкнутую дверь!"

Июнь 1909

4

Синеокая, бог тебя создал такой. Гений
первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый, Запева-
ет осой ядовитой, Разметает он прошлого
след, Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки, Снова слышу
гортанные звуки,

И в глубокую глаз синеву Погружаюсь
опять наяву.

1897 - 1909 Bad Nauheim

5

Бывают тихие минуты: Узор морозный на
стекле; Мечта невольно льнет к чему-то, Ску-

чая в комнатном тепле...

И вдруг - туман сырого сада, Железный мост через ручей, Вся в розах серая ограда, И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи, Кружащаяся голова... Твои, хохлушка, поцелуи, Твои гортанные слова...

Июнь 1909

6

В тихий вечер мы встречались (Сердце помнит эти сны). Деревя едва венчались Первой зеленью весны.

Ясным заревом алея, Уводила вдоль пруда Эта узкая аллея В сны и тени навсегда. Эта юность, эта нежность Что' для нас она была? Всех стихов моих мятежность Не она ли созидала?

Сердце занято мечтами, Сердце помнит долгий срок, Поздний вечер над прудами, Раздушенный ваш платок.

23 марта 1910 Елагин остров

7

Уже померкла ясность взора, И скрипка под смычок легла, И злая воля дирижера По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне. И тенор
пел на сцене гимны Безумным скрипкам и
весне...

Когда внезапно вздох недалёкий, Домчав-
шись, кровь оледенил, И кто-то бедный и пе-
чальный Мне к сердцу руку прислонил...

Когда в гаданьи, еле зримый, Встал предо-
мною, как редкий дым, Тот призрак, тот непо-
бедимый... И арфы спели: улетим.

Март 1910

8

Всё, что память сбережь мне старается,
Пропадает в безумных годах, Но горящим зиг-
загом взвивается Эта повесть в ночных небе-
сах. Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь, Как бесценный
ларец перевязана Накрест лентою алой, как
кровь.

И когда в тишине моей горницы Под лам-
падой томлюсь от обид, Синий призрак умер-
шей любовницы Над кадилом мечтаний скво-
зит.

23 марта 1910

УТРО В МОСКВЕ

Упоительно встать в ранний час, Легкий след на песке увидеть. Упоительно вспомнить тебя, Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя, Беззаботная юность моя, И прозрачная нежность Кремля В это утро - как прелесть твоя.

Июль 1909

* * *

Как прощались, страстно кля'лись В верности любви... Вместе таин приобщались, Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье И у струн исторг Все признанья, обещанья, Всей души восторг...

Да тоска заполонила, Порвала'сь струна... Не звала б да не манила Дальняя сторона!

Вспоминай же, ради бога, Вспоминай меня, Как седой туман из лога Встанет до плетня...

5 сентября 1909

* * *

Всё на земле умрет - и мать, и младость, Жена изменит, и покинет друг. Но ты учись вкушать иную сладость, Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда - и тихо забывай, Как там любили,
гибли и боролись... И забывай страстей
бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада Усталую
ты душу приучи, Чтоб было здесь ей ничего
не надо, Когда оттуда ринутся лучи.

7 сентября 1909

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Пришла порою полуночной На крайний полюс,
в мертвый край. Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный Нам пел и плакал
о весне, Как будто ветер тронул струны Там,
в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы, И буря твердь
разорвала, И струнно плачут серафимы, Над
миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе, И полюс - в
хладном серебре. Ушла. От всех великолепий
Вот только: крылья на заре.

Что' в ней рыдало? Что' боролось? Чего она
ждала от нас? Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи... И где нам ве-

дать торжества? Залег здесь камень бел-горючий, Растет у ног плакун-трава... Так спи, измученная славой, Любовью, жизнью, клеветой... Теперь ты с нею - с величавой, С несбыточной твоей мечтой.

А мы - что' мы на этой тризне? Что' можем знать, чему помочь? Пускай хоть смерть понятней жизни, Хоть погребальный факел - в ночь...

Пускай хоть в небе - Вера с нами Смотри сквозь тучи: там она Развернутое ветром знамя, Обетова'нная весна.

Февраль 1910

ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна Щитом краснеющим героя, И буйной музыки волна Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств Ты злишься, мой смычок визгливый, Врываясь в мировой оркестр Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав, Разлейся в море зорь бесцельных, Протяжный голос свой послав В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

НА ПАСХЕ

В сапогах бутылками, Квасом припома-
жен, С новою гармоникой Стоит под крыль-
цом.

На крыльце вертлявая, Фартучек с кружев-
цом, Каблучки постукивают, Румяная лицом.

Ангел мой, барышня, Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня, Дай поцеловать!

Вот еще, стану я, Мужик неумытый, Стану
я, беленькая, Тебя целовать!

18 апреля 1910 - май 1914

* * *

Когда-то гордый и надменный, Теперь с
цыганкой я в раю, И вот - прошу ее смиренно:
"Спляши, цыганка, жизнь мою".

И долго длится пляс ужасный, И жизнь
проходит предо мной Безумной, сонной и
прекрасной И отвратительной мечтой...

То кружится, закинув руки, То поползет
змеей, - и вдруг Вся замерла в истоме скуки, И
бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то, Да всё - не сто-
ит пятака: Вражда, любовь, молва и золото, А
пуще - смертная тоска.

11 июля 1910

* * *

Где отдаётся в длинных залах Безумных
троек тихий лёт, Где вина теплятся в бокалах,
Там возникает хоровод.

Шурша, звеня, вясь, белея, Идут по мед-
ленным кругам; И скрипки, тая и слабея, Сда-
ются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга, Простерши
руку в полумглу; Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость Забве-
нья всех прошедших дней, И вся неистовая
радость Грядущей гибели твоей!..

Там всё - игра огня и рока, И только в горь-
кий час обид Из невозвратного далёка Пе-
чальный ангел просквозит...

19 июля 1910

* * *

Сегодня ты на тройке звонкой Летишь, бо-
гач, гусар, поэт, И каждый, проходя сторон-
кой, Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь - проезжая дорога, Неладно, жут-
ко на душе: Здесь всякой праздной голи мно-
го Остаться хочет в барыше...

Ямщик - будь он в поддевке темной С пе-

ром павлиньим напоказ, Будь он мечтой поэта скромной, Не упускай его из глаз...

Задремлешь - и тебя в дремоте Он острым полоснет клинком, Иль на безлюдном повороте К версте прикрутит кушаком,

И в час, когда изменит воля, Тебе мигнет издалека В кусте темнеющего поля Лишь бедный светик светляка...

6 августа 1910

* * *

В неуверенном, зыбком полете Ты над бездной взвился и повис. Что-то древнее есть в повороте Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться Без любви, без души, без лица? О, стальная, бесстрастная птица, Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся, Пусть оркестр на трибуне гремит, Но под легкую музыку вальса Остановится сердце - и винт.

Ноябрь 1910

* * *

Без слова мысль, волнение без названья,
Какой ты шлешь мне знак, Вдруг взбороз-

див мгновенной молнией знания

Глухой декабрьский мрак?

Всё призраком здесь - и праздность, и забота,

И горькие года... Что б ни было, - ты помни,

вспомни что-то,

Душа... (когда? когда?)

Что б ни было, всю ложь, всю мудрость ве-

ка,

Душа, забудь, оставь... Снам бытия ты пред-

почла от века

Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийственных мета-

ний,

Сбивающих с пути, Со знанием неска-

за'нных очертаний,

Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911

* * *

Ветр налетит, завоюет снег, И в памяти на
миг возникнет Тот край, тот отдаленный
берег... Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой Мои старинные
болезни... И ночь. И в ночь - тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу Постылый груз

воспоминаний... Вдруг - малый домик на поляне, И девочка поет в лесу.

6 января 1912

* * *

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой Пошлет в пространство луч огромный, И длинный конус тени темной В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир. Сей конус - наша ночь земная. За ней - опять, опять эфир Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя, Твои сияющие очи: Ужасней дня, страшнее ночи Сияние небытия.

6 января 1912

* * *

Сквозь серый дым от краю и до краю Багряный свет Зовет, зовет к неслыханному раю,

Но рая - нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой, Колокола О чем гласят с несбыточной верой?

Ведь мгла - всё мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон, Тем кажется железней,
непробудней

Мой мертвый сон.

30 апреля 1912

* * *

Есть минуты, когда не тревожит Роковая
нас жизни гроза. Кто-то на' плечи руки поло-
жит, Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет, Словно в
темную пропасть без дна... И над пропастью
медленно встанет Семицветной дугой тиши-
на...

И напев заглушенный и юный В затаенной
затронет тиши Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.

Июль 1912

* * *

Болотистым пустынным лугом
Летим. Одни. Вон, точно карты, полукру-
гом

Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,

Где твой маяк... Еще смелей нам хлынет в
очи

Неотвратимый мрак.

Он морем ночи замкнут - дальний
Простор лугов! И запах горький и печаль-
ный

Туманов и духов,
И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид, И эхо над пустыней звон-
кой

От цоканья копыт
Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь, Как этот мир, ле-
теть бесцельно

В сияющую ночь!

Октябрь 1912

ИСПАНКЕ

Не лукавь же, себе признаваясь, Что на
миг ты был полон одной, Той, что встала то-
гда, задыхаясь, Перед редкой и сытой тол-
пой...

Что была, как печаль, величава И безумна,
как только печаль... Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...

И в бедро уперлася рукою, И каблук засту-
чал по мосткам, Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий, Высоко занесенной рукой Разрывала незримые нити Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец, Крик Hand`a и язык кастаньет Понял только влюбленный испанец Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

* * *

В небе - день, всех ночей суеверней, Сам не знает, он - ночь или день. На лице у подруги вечерней Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи Не будил еще взмахом весла... Огневые ее поцелуи Говорят мне, что ночь - не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи... Если можешь, костер потуши! Потуши в сумасшедшие ночи Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912

* * *

В сыром ночном тумане Всё лес, да лес, да лес... В глухом сыром бурьяне Огонь блеснул - исчез...

Опять блеснул в тумане, И показалось мне: Изба, окно, герани Алеют на окне...

В сыром ночном тумане На красный блеск

огня, На алые герани Направил я коня...

И вижу: в свете красном Изба в бурьян
вросла, Неведомо несчастным Быльём порос-
ла...

И сладко в очи глянул Неведомый огонь, И
над бурьяном прынул Испуганный мой конь...

"О, друг, здесь цел не будешь, Скорей отсю-
да прочь! Доедешь - всё забудешь, Забудешь -
канешь в ночь!

В тумане да в бурьяне, Гляди, - продашь
Христа За жадные герани, За алые уста!"

Декабрь 1912

СЕДОЕ УТРО

Утро туманное, утро седое...

Тургенев

Утрет. С богом! По домам! Позвякивают
колокольцы. Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца, И я - который раз
подряд Целую кольца, а не руки... В плече, от-
кинутаго назад, Задор свободы и разлуки, Но
еле видная за мглой, За дождевою, за докуч-
ной... И взгляд - как уголь под золой, И голос
утренний и скучный... Нет, жизнь и счастье
до утра Я находил не в этом взгляде! Не этот
голос пел вчера С гитарой вместе на эстраде!..

Как мальчик, шаркнула; поклон Отвешивает... "До свиданья..." И звякнул о браслет жетон (Какое-то воспоминанье)... Я молча на нее гляжу, Сжимаю пальцы ей до боли... Ведь нам уж не встречаться боле... Что ж на прощанье ей скажу?.. "Прощай, возьми еще колечко. Оденешь рученьку свою И смуглое свое сердечко В серебряную чешую... Лети, как пролетала, тая, Ночь огневая, ночь былая... Ты, время, память притуши, А путь снежком запороши".

29 ноября 1913

* * *

Есть времена, есть дни, когда Ворвется в сердце ветер снежный, И не спасет ни голос нежный, Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей Летишь ты, но заря - в крови... Тоскою, страстью, огневницей Идет безумие любви...

Пол-сердца - туча грозовая, Под ней - всё глушь, всё немота, И эта - прежняя, простая Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно, И, задыхаясь, не дыша, Уже во всем другой послушна Доселе гордая душа!

22 ноября 1913

* * *

Я вижу блеск, забытый мной, Я различаю
на мгновенье За скрипками - иное пенье, Тот
голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга На первую лю-
бовь мою. Его доньше узнаю В те дни, когда
бушует вьюга,

Когда былое без следа Прошло, и лишь чу-
жие страсти Напоминают иногда, Напомина-
ют мне - о счастье.

12 декабря 1913

* * *

Ты говоришь, что я дремлю, Ты унижитель-
но хохочешь. И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: люблю.

Твой южный голос томен. Стан Напомина-
ет стан газели, А я пришел к тебе из стран, Где
вечный снег и вой метели.

Мне странен вальса легкий звон И душ-
ный облак над тобою. Ты для меня - прекрас-
ный сон, Сквозящий пылью снеговою...

И я боюсь тебя назвать По имени. Зачем
мне имя? Дай мне тревожно созерцать Очами
жадными моими

Твой южный блеск, забытый мной, Напоминающий напрасно День улетевший, день прекрасный, Убитый ночью снеговой.

12 декабря 1913

* * *

Ваш взгляд - его мне подстеречь... Но уклоняете вы взгляды... Да! Взглядом - вы боитесь сжечь Меж нами вставшие преграды!

Когда же отойду под сень Колонны мраморной угрюмо И пожирающая дума Мне на лицо нагонит тень,

Тогда - угрюмому скитальцу Вослед скользнет ваш беглый взгляд, Тревожно шелк зашевелият Трепещущие ваши пальцы,

К ланитам хлынувшую кровь Не скроет море кружев душных, И я прочту в очах послушных Уже ненужную любовь.

12 декабря 1913

* * *

Натянулись гитарные струны,
Сердце ждет. Только тронь его голосом
ЮНЫМ

Запоет!

И старик перед хором

Уже топнул ногой. Обожги меня голосом,

взором,

Ксюша, пой!

И гортанные звуки

Понеслись, словно в серебре смуглые руки

Обвились...

Бред безумья и страсти,

Бред любви... Невозможное счастье!

На! Лови!

19 декабря 1913

* * *

Ты - буйный зов рогов призывных, Влекущий на неверный след, Ты - серый ветер рек разливных, Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох - странник, Как воин - милую в бою, Тебя провижу, как изгнанник Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом, Твоя непостижима власть: Ведя меня, как вождь, к победам, Испепеляешь ты, как страсть.

Декабрь 1913

* * *

Как день, светла, но непонятна, Вся - явь, но - как обрывок сна, Она приходит с речью внятной, И вслед за ней - всегда весна.

Вот здесь садится и болтает. Ей нравится

дразнить меня И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго В ее порыви-
стую речь, Слежу, как ширится тревога В сия-
ньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи, И опьянят
ее духи, И я влюблюсь в глаза и в плечи, Как в
вешний ветер, как в стихи,

Сверкнет холодное запястье, И, речь пре-
рвав, она сама Уже твердит, что сила страсти
Ничто пред холодом ума!..

20 февраля 1914

* * *

Петербургские сумерки снежные. Взгляд
на улице, розы в дому... Мысли - точно у де-
вушки нежные, А о чем - и сама не пойму.

Всё гляжусь в мое зеркало сонное... (Он,
должно быть, глядится в окно...) Вон лицо
мое - злое, влюбленное! Ах, как мне надоело
оно!

Запевания низкого голоса, Снежно-белые
руки мои, Мои тонкие рыжие волосы, Как
давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный... Всё
же кровь розовеет... на свет... Посмотрю-ка, он

там или нет? Так и есть... ах, какой неотвязный!

15 марта 1914

* * *

Смычок запел. И облак душный Над нами
встал. И соловьи Приснились нам. И стан по-
слушный Скользнул в объятия мои... Не соло-
вей - то скрипка пела, Когда ж оборвалась
струна, Кругом рыдала и звенела, Как в веш-
ней роще, тишина... Как там, в рыдающие зву-
ки Вступала майская гроза... Пугливые сбли-
жались руки, И жгли смеженные глаза...

14 мая 1914

* * *

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев. Ты острый нож
безжалостно вонзал

В открытое для счастья сердце.

"Безумный друг! Ты мог бы счастлив
быть!.."

"Зачем? Средь бурного ненастья Мы, всё
равно, не можем сохранить

Неумиряющего счастья!"

26 августа 1914

* * *

Превратила всё в шутку сначала, Поняла -
принялась укорять, Головою красивой кача-
ла, Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала, Неожиданно
всё позабыв. Вдруг припомнила всё - зарыда-
ла, Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась, Вороти-
лась, чего-то ждала, Проклинала, спиной по-
вернулась И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело, За ста-
ринное дело свое. Неужели и жизнь отшуме-
ла, Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916

* * *

Та жизнь прошла, И сердце спит, Утомле-
но. И ночь опять пришла, Бесстрашная - гля-
дит В мое окно.

И выпал снег, И не прогнать Мне зимних
чар... И не вернуть тех нег, И странно вспоми-
нать, Что был пожар.

31 августа 1914

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни! Мой поезд ле-
тит, как цыганская песня,

Как те невозвратные дни...
Что было любимо - всё мимо, мимо,
Впереди - неизвестность пути... Благосло-
венно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

31 августа 1914

* * *

Разлетясь по всему небосклону, Огнекрас-
ная туча идет. Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу - моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный, Вот под
кистью рука расцвела, Вот сияют красой бело-
снежной Два небесных, два легких крыла...

Огнекрасные отсветы ярче На суровом мо-
ем полотне... Неотступная дума всё жарче Об-
нимает, прильнула ко мне...

31 августа 1914

* * *

Он занесен - сей жезл железный Над на-
шей головой. И мы Летим, летим над грозной
бездной Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей, Чем ближе ве-
ньяе конца, Тем лучезарнее, тем зримей Сия-
ние Ее лица.

И сквозь круженье вихревое, Сынам отча-

янья сквозя, Ведет, уводит в голубое Едва при-
метная стезя.

3 декабря 1914

* * *

Пусть я и жил, не любя, Пусть я и клятвы
нарушу, Всё ты волнуешь мне душу, Где бы
ни встретил тебя!

О, эти дальние руки! В тусклое это житье
Очарованье свое Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем Доме, пустом и холод-
ном, В сне, никогда не свободном, Снится мне
брошенный дом.

Старые снятся минуты, Старые снятся го-
да... Видно, уж так навсегда Думы тобою за-
мкну'ты!

Кто бы ни звал - не хочу На суетливую
нежность Я променять безнадежность И, за-
мыкаясь, молчу.

8 октября 1915

* * *

Протекли за годами года, И слепому и глу-
пому мне Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был, Толь-
ко встречным я был на пути, Но остыл тот

младенческий пыл, И она мне сказала: про-
сти.

А душа моя - той же любовью полна, И ми-
нуты с другими отравлены мне, Та же дума - и
песня одна Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915

* * *

За горами, за лесами, За дорогами пыльны-
ми, За холмами могильными Под другими
цветешь небесами...

И когда забелеет гора, Дол оденется зеле-
нью вешнюю, Вспоминаю с печалью нездеш-
нюю Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю И сжимаю
руками моими Чародейную руку твою, Повто-
ряя далекое имя.

30 сентября 1915

КАРМЕН

(1914)

Л. А. Д.

* * *

Как океан меняет цвет, Когда в нагромож-
денной туче Вдруг полыхнет мигнувший
свет, Так сердце под грозой певучей Меняет

строй, боясь вздохнуть, И кровь бросается в
ланыты, И слезы счастья душат грудь Перед
явлением Карменситы.

4 марта 1914

* * *

На небе - празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша, Про-
ходит, и весна, и лед последний колок, И в
сонный входит вихрь смятенная душа...

Что' месяца нежней, что' зорь закатных
выше? Знай про себя, молчи, друзьям не гово-
ри: В последнем этаже, там, под высокой кры-
шей, Окно, горящее не от одной зари...

24 марта 1914

* * *

Есть демон утра. Дымно-светел он, Золото-
кудрый и счастливый. Как небо, синь струя-
щийся хитон, Весь - перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь, Так
этот лик сквозит порой ужасным, И золото
кудрей - червонно-красным, И голос - рокотом
забытых бурь.

24 марта 1914

* * *

Бушует снежная весна. Я отвожу глаза от

книги... О, страшный час, когда она, Читая по
руке Цуниги, В глаза Хозе метнула взгляд! На-
смешкой засветились очи, Блеснул зубов
жемчужный ряд, И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь, Смывая память
об отчизне... А голос пел: Ценою жизни Ты
мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

* * *

Среди поклонников Кармен, Спешащих
пестрою толпою, Ее зовущих за собою, Один,
как тень у серых стен Ночной таверны Лил-
лас-Пастья, Молчит и сумрачно глядит, Не
ждет, не требует участия, Когда же бубен за-
звучит И глухо зазвенят запястья, Он вспоми-
нает дни весны, Он среди бушующих созву-
чий Глядит на стан ее певучий И видит твор-
ческие сны.

26 марта 1914

* * *

Сердитый взор бесцветных глаз. Их гордый
вызов, их презренье. Всех линий - таянье и
пенье. Так я Вас встретил в первый раз. В пар-
тере - ночь. Нельзя дышать. Нагрудник чер-
ный близко, близко... И бледное лицо... и

прядь Волос, спадающая низко... О, не впервые странных встреч Я испытал немую жуткость! Но этих нервных рук и плеч Почти пугающая чуткость... В движеньях гордой головы Прямые признаки досады... (Так на людей из-за ограды Угрюмо взглядывают львы). А там, под круглой лампой, там Уже замолкла сегидилья, И злость, и ревность, что не к Вам Идет влюбленный Эскамильо, Не Вы возьметесь за тесьму, Чтобы убавить свет ненужный, И не блеснет уж ряд жемчужный Зубов - несчастному тому... О, не глядеть, молчать - нет мочи, Сказать - не надо и нельзя... И вы уже (звездой средь ночи), Скользящей поступью скользя, Идете - в поступи истома, И песня Ваших нежных плеч Уже до ужаса знакома, И сердцу суждено беречь, Как память об иной отчизне, Ваш образ, дорогой навек...

А там: Уйдем, уйдем от жизни, Уйдем от этой грустной жизни! Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

* * *

Вербы - это весенняя таль, И чего-то нам

светлого жаль, Значит - теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча, И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный - поля, И залиvistый
крик журавля, Это значит - мне ждать у плетня
До заката горячего дня. Значит - ты вспоминаешь меня.

Розы - страшен мне цвет этих роз, Это - рыжая
ночь твоих кос? Это - музыка тайных измен? Это - сердце в плену у Кармен?

30 марта 1914

* * *

Ты - как отзвук забытого гимна В моей черной
и дикой судьбе. О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест, Непробудные,
дикие сны, И твоя одичалая прелесть Как гитара,
как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах, Как царица
блаженных времен, С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне Даль морскую
и берег счастливый, И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий И любимый, родимый свой край, Синий, синий, певучий, певучий, Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна, Только в куще сплетенных ветвей Дивный голос твой, низкий и странный, Славит бурю цыганских страстей.

28 марта 1914

* * *

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно - я твой! Да, всё равно мне будет сниться

Твой стан, твой огневой!
Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен, Весь бред моих страстей напрасных,

Моих ночей, Кармен!
Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам! Как иерей свершу я тебе

За твой огонь - звездам!
Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов, И я с руки моей не смою,

Кармен, твоих духов...
И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг, Блеснет мне белыми
зубами

Твой неотступный лик.
Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране, Что ты, когда-ни-
будь, украдкой

Помыслишь обо мне... За бурей жизни, за
тревогой,

За грустью всех измен, Пусть эта мысль
предстанет строгой,

Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

* * *

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну груст-
ных лет, Сквозь бездну дней пустых, чье бре-
мя не избудешь. Вот почему я - твой поклон-
ник и поэт!

Здесь - страшная печать отверженности
женской За прелесть дивную - постичь ее нет
сил. Там - дикий сплав миров, где часть души
вселенской Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот - мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале! Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя! Вот чьи глаза меня так странно провожали, Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон - летишь, летишь ты мимо, К созвездиям иным, не ведая орбит, И этот мир тебе - лишь красный облак дыма, Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его - твоя безумна младость... Всё - музыка и свет: нет счастья, нет измен... Мелодией одной звучат печаль и радость... Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен.

31 марта 1914

СОЛОВЬИНЫЙ САД

1

Я ломаю слоистые скалы В час отлива на илистом дне, И таскает осел мой усталый Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги, Сложим в кучу, - и к морю опять Нас ведут волосатые ноги, И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, - отрадно, Что идет налегке хоть назад. А у самой дороги - прохладный И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной Лишних роз
к нам свисают цветы. Не смолкает напев со-
ловьиный, Что-то шепчут ручьи и листья.

Крик осла моего раздаётся Каждый раз у
садовых ворот, А в саду кто-то тихо смеется, И
потом - отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный, Я гляжу,
понукая осла, Как на берег скалистый и зной-
ный Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно, Сумрак
ночи ползет сквозь кусты; И осел удивляется,
бедный: "Что, хозяин, раздумался ты?"

Или разум от зноя мутится, Замечтался ли
в сумраке я? Только всё неотступнее снится
Жизнь другая - моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной Я, бедняк
обездоленный, жду, Повторяя напев неизвест-
ный, В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья В этот сад,
обнесенный стеной, В синем сумраке белое
платье За решеткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане Прохожу
мимо этих ворот, И она меня, легкая, манит И
круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженье и пенье Я забытое что-то ловлю, И любить начинаю томленье, Недоступность ограды люблю.

3

Отдыхает осел утомленный, Брошен лом на песке под скалой, А хозяин блуждает влюбленный За ночную, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый, Но сегодня - таинственный путь Вновь приводит к ограде тенистой, Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходней, И идут за часами часы, И колючие розы сегодня Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет, иль награда, Если я уклонюсь от пути? Как бы в дверь соловьиного сада Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным, И руке не вернуться к труду: Сердце знает, что гостем желанным Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило, И ограда была не страшна. Не стучал я - сама отворила Непрístupные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий, Одноручно запели ручьи, Сладкой песнью меня

оглушили, Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья Мне от-крыли объятия те, И звенели, спадая, запя-стья Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым, Золотым опаленный огнем, Я забыл о пути камени-стом, О товарище бедном моем.

5

Пусть укрыла от дольного горя Утонувшая в розах стена, Заглушить рокотание моря Со-ловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога Рокот волн до меня донесла... Вдруг - виденье: большая дорога И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной Обвиваясь горячей рукой, Повторяет она беспокойно: "Что с тобою, возлюбленный мой?"

Но, вперяясь во мглу сиротливо, Нады-шаться блаженством спеша, Отдаленного шу-ма прилива Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистом рассвете Неиз-вестно которого дня. Спит она, улыбаясь, как дети, Ей пригрезился сон про меня.

К`ак под утренним сумраком чарым Лик,

прозрачный от страсти, красив!... По далеким и мерным ударам Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое, И почудилось, будто возник За далеким рычаньем прибоя Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог, Проникал в мою душу, как стон, И тихонько задержнул я полог, Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по к`амням ограды, Я нарушил цветов забытье. Их шипы, точно руки из сада, Уцепились за платье мое.

7

Путь знакомый и прежде недлинный В это утро кремнист и тяжел. Я вступаю на берег пустынный, Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане? Или кто-нибудь шутит со мной? Нет, я помню камней очертанье, Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? - И скользящей ногою Споткаюсь о брошенный лом, Тяжкий, ржавый, под черной скалою Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым (Или всё еще это во сне?), Я ударил заржав-

ленным ломом По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты Покачнулись в лазурной щели, Закарабкался краб всполохнутый И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, - он приподнялся, Широко разевая клешни, Но сейчас же с другим повстречался, Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною, Там, где хижина прежде была, Стал спускаться рабочий с киркою, Погоняя чужого осла.

6 января 1914 - 14 октября 1915

РОДИНА

(1907-1916)

* * *

Ты отошла, и я в пустыне К песку горячему приник. Но слова гордого отныне Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея, Твою я понял высоту: Да. Ты - родная Галилея Мне - невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает, Пусть множит дикую молву: Сын Человеческий не знает, Где приклонить ему главу.

30 мая 1907

* * *

В густой траве пропадешь с головой. В тихий дом войдешь, не стучась... Обнимет рукой, оплетет косою И, статная, скажет: "Здравствуй, князь."

Вот здесь у меня - куст белых роз. Вот здесь вчера - повилика вилашь. Где был, пропадал? что за весть принес? Кто любит, не любит, кто гонит нас?"

Как бывало, забудешь, что дни идут, Как бывало, простишь, кто горд и зол. И смотришь - тучи вдали встают, И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне, Запросится в бой - зовет и мани'т... Только скажет: "Прощай. Вернись ко мне" И опять за травой колокольчик звенит...

12 июля 1907

* * *

Задебренные лесом кручи: Когда-то там, на высоте, Рубили деда сруб горячий И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет, И песни не сплет свирель. Лишь мох сырой с обрыва виснет, Как ведьмы сбитая кудель.

Навеки непробудной тенью Ресницы мхов
опушены, Спят, убаюканные ленью Людской
врагини - тишины.

И человек печальной цапли С болотной
кочки не спугнет, Но в каждой тихой, ржавой
капле Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные, Родясь в глуши и
темноте, Несут испуганной России Весть о
сжигающем Христе.

Октябрь 1907 - 29 августа 1914

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега. Над скудной глиной желто-
го обрыва

В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли

Нам ясен долгий путь! Наш путь - стрелой
татарской древней воли

Пронзил нам грудь.

Наш путь - степной, наш путь - в тоске без-
брежной

В твоей тоске, о, Русь! И даже мглы - ноч-
ной и зарубежной

Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль. В степном дыму блеснет
святое знамя

И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль... Летит, летит степ-
ная кобылица

И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...

Останови! Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь... Покоя нет! Степная
кобылица

Несется вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь ста-
ли: Не вернуться, не взглянуть назад. За
Непрядвой лебеди кричали, И опять, опять
они кричат...

На пути - горячий белый камень. За ре-
кой - поганая орда. Светлый стяг над нашими
полками Не взыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою, Говорит

мне друг: "Остри свой меч, Чтоб недаром
биться с татарвою, За святое дело мертвым
лечь!"

Я - не первый воин, не последний, Долго
будет родина больна. Помяни ж за раннею
обедней Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты, В темном поле были мы с
Тобою,

Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей, Слышал я Твой голос
сердцем вещим

В криках лебедей.

С полуно'чи тучей возносила

Княжеская рать, И вдали, вдали о стремя
била

Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы

Реяли вдали. А над Русью тихие зарницы

Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом

Угрожал бедой, А Непрядва убралась туманом

НОМ,

Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,

Прямо на меня Ты сошла, в одежде свет
струящей,

Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу

На стальном мече, Освежила пыльную
кольчугу

На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной

Двинулась орда, Был в щите Твой лик
нерукотворный

Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековой тоскою Пригнулись к зем-
ле ковыли. Опять за туманной рекою Ты кли-
чешь меня издали'...

Умчались, пропали без вести Степных ко-
былиц табуны, Развязаны дикие страсти Под
игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою, Как волк под ущерб-
ной луной, Не знаю, что делать с собою, Куда
мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей, Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи Во мглистой ночной вышине.

Вздываются светлые мысли В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли, Сожженные темным огнем...

"Явись, мое дивное диво! Быть светлым меня научи!"
Вздывается конская грива... За ветром взывают мечи...

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым, Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной, За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной, Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,

И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем, Недаром тучи собрались. Доспех тяжел, как перед боем. Теперь твой час настал. - Молись!

23 декабря 1908

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые, Три стертых треплются шлеи, И вязнут спицы росписные В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия, Мне избы серые твои, Твои мне песни ветровые Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею И крест свой бережно несу... Какому хочешь чародею Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, Не пропадешь, не сгинешь ты, И лишь забота затуманит Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле Одной слезой река шумней, А ты всё та же - лес, да поле, Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно, Дорога долгая легка, Когда блеснет в дали дорожной Мгновенный взор из-под платка, Когда звенит тоской осторожной Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

* * *

Вот он - ветер, Звонящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью Огонь невозможный,
Распростершийся призрак Ветлы придорожной...

Вот - что ты мне сулила:

Могила.

4 ноября 1908

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша, С тобою, дружкой
мой скромный, И изливается душа, Как в
сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих, Лишь слышно -
ворон глухо Зовет товарищей своих, Да кашляет
старуха.

Овин расстелет низкий дым, И долго под
овином Мы взором пристальным следим За
лётom журавлиным...

Летят, летят косым углом, Вожак звенит и
плачет... О чем звенит, о чем, о чем? Что' плач
осенний значит?

И низких нищих деревень Не счесть, не
смерить оком, И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна, Что' ты для сердца
значишь? О, бедная моя жена, О чем ты горь-
ко плачешь?

1 января 1909

* * *

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой Струится в су-
мрак, в сумрак дня. Лишь бархат алый алой
ризой, Лишь свет зари - покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом Ползет пе-
чаль угрюмых мест. И ель крестом, крестом
багряным Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире, Помедли здесь,
побудь со мной. Забудь, забудь о страшном
мире, Вздохни небесной глубиной.

Смотри с печальной усладой, Как в свет за-
ри вползает дым. Я огражу тебя оградой Коль-
цом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой Кольцом живым,
кольцом из рук. И нам, как дым, струиться на-
до Седым туманом - в алый круг.

Август 1909

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маять-

ся? Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма! Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться... Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила? Что там услышишь из песен твоих? Чудь начудила, да Меря намерила Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты, Но до Царьградских святынь не дошла... Соколов, лебедей в степь распустила ты Кинулась и'з степи черная мгла...

За' море Черное, за' море Белое В черные ночи и в белые дни Дико глядится лицо онемелое, Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево Каждую ночь над становьем твоим... Что' же маячишь ты, сонное марево? Вольным играешься духом моим?

28 февраля 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном, Лежит и смотрит, как живая, В цветном платке, на косы брошенном, Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною На шум и

свист за ближним лесом. Всю обойдя платформу длинную, Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих Нежней румянец, круче локон: Быть может, кто из проезжающих Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией, Подрагивали и скрипели; Молчали желтые и синие; В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами И обводили ровным взглядом Платформу, сад с кустами блёклыми, Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною Облокотясь на бархат алый, Скользнул по ней улыбкой нежною... Скользнул - и поезд в даль умчало.

Так мчалась юность бесполезная, В пустых мечтах изнемогая... Тоска дорожная, железная Свистела, сердце разрывая...

Да что' - давно уж сердце вынуто! Так много отдано поклонов, Так много жадных взоров кинуто В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами, Вам всё равно, а ей - довольно: Любовью, грязью иль колесами Она раздавлена - всё больно.

14 июня 1910

ПОСЕЩЕНИЕ

Г о л о с

То не ели, не тонкие ели На закате подъем-
люют кресты, То в дали снеговой заалели Мои
нежные, милый, персты. Унесенная белой ме-
телью В глубину, в бездыханность мою, Вот я
вновь над твоею постелью Наклонилась, ды-
шу, узнаю... Я сквозь ночи, сквозь долгие но-
чи, Я сквозь темные ночи - в венце. Вот они -
еще синие очи На моем постаревшем лице! В
твоем голосе - возгласы моря, На лице твоём -
жала огня, Но читаю в испуганном взоре, Что
ты помнишь и любишь меня.

В т о р о й г о л о с

Старый дом мой пронизан метелью, И
остыл одинокий очаг. Я привык, чтоб над
этой постелью Наклонялся лишь присталь-
ный враг. И душа для видений ослепла, Если
вспомню, - лишь ветер налетит, Лишь рубин
раскаленный из пепла Мой обугленный лик
опалит! Я не смею взглянуть в твои очи, Всё,
что было, - далёко оно. Долгих лет нескончае-
мой ночи Страшной памятью сердце полно.

Сентябрь 1910 С. Шахматово

* * *

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен. Там разговор гуси-
НЫХ СТАЙ

Так внятен.

Свободен, весел и силен,
В дали любимой Я слышу непомерный
ЗВОН

Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет, Там старый лес под топором
Редет.

Сентябрь 1910

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему
ЗВУКУ,

Молодеет душа. И во сне прижимаю к гу-
бам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится - снова я мальчик, и снова любов-
НИК,

И овраг, и бурьян, И в бурьяне - колючий
ШИПОВНИК,

И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я

знаю,

Старый дом глянет в сердце мое, Глянет
небо опять, розовея от краю до краю,

И окошко твое.

Этот голос - он твой, и его непонятному
звуку

Жизнь и горе отдам, Хоть во сне твою
прежнюю милую руку

Прижимая к губам.

2 мая 1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко, Не хочу уснуть!
Конь качается качалка, На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане, Раз-два, раз-
два, раз!.. Идет конница... а няня Тянет свой
рассказ...

Внемлю сказке древней, древней О богаты-
рях, О заморской, о царевне, О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах Трогает
коня И мани'т и мчит куда-то За собой меня...

За моря, за океаны Он мани'т и мчит, В
дымно-синие туманы, Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кровати Дол-
гих сто ночей, И зеленый свет лампадки Све-
тит в очи ей...

Под парчами, под лучами Слышно ей
сквозь сны, Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный, Бьется
семь ночей? На седьмую - над царевной Свет-
лый круг лучей...

И сквозь дремные покровы Стелятся лучи,
О тюремные засовы Звякают ключи...

Сладко дремлется в кроватке. Дремлешь? -
Внемлю... сплю. Луч зеленый, луч лампадки, Я
тебя люблю!

Октябрь 1912

НОВАЯ АМЕРИКА

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видена... Ты стоишь под
метелицей дикой, Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями Твоего мне не
видно лица. Только ль страшный простор
пред очами, Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе, Я на утлые сан-
ки сажусь. Не в богатом покоишься гробе Ты,
убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной, Там
старушкой прикинешься ты, Глас молитвен-
ный, звон колокольный, За крестами - кре-

сты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный Проквозит мне порою иным... Нет, не старческий лик и не постный Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи, Ектеньи, ектеньи, ектеньи Шепотливые, тихие речи, Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся, Черноземным летя пустырем... Куст дорожный по ветру метнулся, Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной, Где пригнулись к земле ковыли, Тянет гарью горючей, свободной, Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это - стан половецкий И татарская буйная крепь? Не пожаром ли фески турецкой Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга, Не шеломами черпают Дон, И прекрасная внучка варяга Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по' ветру чубы, Не пестреют в степях бунчуки... Там чернеют фабричные трубы, Там заводские стонут гудки.

Путь степной - без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, - и вдруг Многоярус-
ный корпус завода, Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком Ты всё
та, что была, и не та, Новым ты обернулась
мне ликом, И другая волнует мечта...

Черный уголь - подземный мессия, Чер-
ный уголь - здесь царь и жених, Но не стра-
шен, невеста, Россия, Голос каменных песен
твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась, И желез-
ная воет руда... То над степью пустой загоре-
лась Мне Америки новой звезда!

12 декабря 1913

* * *

Моей матери

Ветер стих, и слава зарева

Облекла вон те пруды. Вон и схимник.

Книгу закрывая,

Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссейная дорога,

Убегает вбок... Дай вздохнуть, помедли, ра-
ди бога,

Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою

Монастырский крест издалека. Не свернуть ли к вечному покою?

Да и что за жизнь без клобука?..

И опять влечет неудержимо

Вдаль из тихих мест Путь шоссейный, пробегая мимо,

Мимо инока, прудов и звезд...

Август 1914

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

Боль проходит понемногу, Не навек она дана. Есть конец мятежным стонам. Злую муку и тревогу Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды, Ты не ждешь - она вошла. Вот она - с хрустальным звоном Преисполнила надежды, Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений, Точно друг твой, старый друг, Тронул сердце нежной скрипкой? Точно легких сновидений Быстрый рой домчался вдруг?

Это - легкий образ рая, Это - милая твоя. Ляг на смертный одр с улыбкой, Тихо грезить, замыкая Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний, Улыбнуться навсегда, Чтоб в последний раз проплыли Ми-

мо, сонно, как в тумане, Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа Легкой музыкой земли, Прозвучали, потюмили Над последним миром ложа И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато Мимо, мимо, навсегда... Человеческая тупость Всё, что мучило когда-то, Забавляло иногда...

И опять - коварство, слава, Злато, лесть, всему венец Человеческая глупость, Безысходна, величава, Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны, И проселки, и шоссе, Наша русская дорога, Наши русские туманы, Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет всё мимо, Чем тревожила земля, Та, кого любил ты много, Поведет рукой любимой В Елисейские поля.

14 мая 1914

* * *

Грешить бесстыдно, непробудно, Счет потерять ночам и дням, И, с головой от хмеля трудной, Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу, Семь - осенить себя крестом, Тайком к заплеванному полу Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный, Три, да еще семь раз подряд Поцеловать столетний, бедный И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить На тот же грош кого-нибудь, И пса голодного от двери, Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы Пить чай, отщелкивая счет, Потом переслюнить купоны, Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые В тяжелом завалиться сне... Да, и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже мне.

26 августа 1914

* * *

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон. Без конца - взвод за взводом и штык за штыком

Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизнью цвели

Боль разлуки, тревоги любви, Сила, юность, надежда... В закатной дали

Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали Варяга одни,

А другие - не в лад - Ермака, И кричали ура, и шутили они,

И тихонько крестилась рука.
Вдруг под ветром взлетел опадающий
лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал, И под
черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.
И военною славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца. Громыханье ко-
лес и охрипший свисток
Заглушило ура без конца.
Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра, А с дождливых
полей всё несло к нам ура,
В грозном клике звучало: пора!
Нет, нам не было грустно, нам не было
жаль,
Несмотря на дождливую даль. Это - ясная,
твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?
Эта жалость - ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней. Грусть - ее за-
стилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

* * *

Я не предал белое знамя, Оглушенный криком врагов, Ты прошла ночными путями, Мы с тобой - одни у валов.

Да, ночные пути, роковые, Развели нас и вновь свели, И опять мы к тебе, Россия, Добре-ли из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской, Вот где ты теперь, тишина! Лишь щемящей песни солдатской Издали' несется волна.

А вблизи - всё пусто и немо, В смертном сне - враги и друзья. И горит звезда Вифлеема Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

* * *

З.Н.Гипшиус

Рожденные в года глухие Пути не помнят своего. Мы - дети страшных лет России Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы! Безумья ль в вас, надежды ль весть? От дней войны, от дней свободы Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота - то гул набата Заставил заградить уста. В сердцах, восторженных когда-то, Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем Взо-

вьется с криком воронье, Те, кто достойней,
боже, боже, Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

* * *

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной, Звон далекий,
звон печальный, Глухота и чернота. Только
ветер, гость нахальный, Потрясает ворота.

За окном черно и пусто, Ночь полна шагов
и хруста, Там река ломает лед, Там меня невеста
ждет...

Как мне скинуть злую дрёму, Как мне гостя
отогнать? Как мне милую - чужому, Проклято'му
не отдать?

Как не бросить всё на свете, Не отчаяться
во всем, Если в гости ходит ветер, Только дикий
черный ветер, Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?
22 марта 1916

КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг, Над сонным лугом коршун кружит И смотрит на пустынный луг. В избушке мать над сыном тужит: "На' хлеба, на', на' грудь, соси, Расти, покорствуй, крест неси".

Идут века, шумит война, Встает мятеж, горят деревни, А ты всё та ж, моя страна, В красе заплаканной и древней. Доколе матери тужить? Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

(1913)

* * *

Мы забыты, одни на земле. Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки. Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод, Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь? Всё прошло.
Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни. Милый
друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу, Ни о чем, что
прошло, не грущу. Только, вот, принялась ты
опять Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь тогда... О, какие
то были года!

Но, когда ты моложе была, И шелка ты по-
ярче брала,

И ходила рука побыстрей... Так возьми ж и
теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу, Побеж-
дал пестротой эту мглу.

19 октября 1913

* * *

Поет, поет... Поет и ходит возле дома... И
грусть, и нежность, и истома, Как прежде, за'
сердце берет...

Нетяжко бремя, Всей жизни бремя прожи-
той, И песнью длинной и простой Баюкает и
нежит время...

Так древни мы,
Так древен мира

Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы, Поет нам снег седой зимы...
Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздохнуть - и очи
Навсегда
Сомкнуть, Сомкнуть в объятьях ночи...
Возврата нет
Страстям и думам...
Смотри, смотри:
С полночным шумом Идет к нам ветер от
зари...

Последний свет
Померк. Умри. Померк последний свет за-
ри.

19 октября 1913

* * *

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня. Не найти мне места
в тихом доме
Возле мирного огня!
Голоса поют, взывает вьюга,

Страшен мне уют... Даже за плечом твоим,
подруга,

Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами

Слышу трепет крыл... Бьет в меня светящи-
ми очами

Ангел бури - Азраил!

Октябрь 1913

* * *

Из ничего - фонтаном синим

Вдруг брызнул свет. Мы головы наверх за-
кинем

Его уж нет, Рассыпался над черной далью

Златым пучком, А здесь - опять, - дугой,
спиралью,

Шаро'м, волчком, Зеленый, желтый, си-
ний, красный

Вся ночь в лучах... И, всполошив ее напрас-
но,

Зачах.

Октябрь 1913

* * *

Вспомнил я старую сказку, Слушай, подруга,
меня. Сказочник добрый и старый Тихо си-
дел у огня.

Дождик стучался в окошко, Ветер в трубе завывал. "Плохо теперь бесприютным!" Сказочник добрый сказал.

В дверь постучались легонько, Сказочник дверь отворил, Ветер ворвался холодный, Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге Жалкий, озябший, нагой, Мокрый колчан за плечами, Лук с тетивою тугой.

И, усадив на колени, Греет бедняжку старик. Тихо доверчивый мальчик К старому сердцу приник.

"Что у тебя за игрушки?" "Их подарила мне мать". "Верно, ты стрелы из лука Славно умеешь пускать?" Звонко в ответ засмеялся Мальчик и на' пол спрыгну'л. "Вот как умею!" - сказал он И тетиву натянул...

В самое сердце попал он, Старое сердце в крови... Как неожиданно ранят Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг,
Терпи и спи,
Спи, спи, Не забудешь никогда

Старика, Провспоминаешь ты года, Провспоминаешь ты века, И средь растущей темноты

Припомнишь ты

И то и се,

Всё, что было,

Что манило,

Что цвело,

Что прошло,

Всё, всё.

Октябрь 1913

* * *

Было то в темных Карпатах, Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного Жутко и холодно стало; Это - я помню неясно, Это - отрывок случайный, Это - из жизни другой мне Жалобный ветер напел...

Верь, друг мой, сказкам: я привык

Вникать

В чудесный их язык

И постигать

В обрывках слов

Туманный ход

Иных миров, И темный времени полет

Следить, И вместе с ветром петь;
Так легче жить, Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост Нам в вечность пе-
рекинет мост,
Надеяться и ждать...
Жди, старый друг, терпи, терпи, Терпеть
недолго, крепче спи,
Всё равно всё пройдет, Всё равно ведь ни-
кто не поймет, Ни тебя не поймет, ни меня,
Ни что ветер поет
Нам, звеня...
Октябрь 1913